

Кира
Тигрис

РОМФАК

Факультет Романтики

Кира Тигрис

РомФак. Факультет Романтики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69286051

SelfPub; 2023

Аннотация

У богатого красавчика Константина была просто идеальная жизнь – развлечения, вечеринки, девушки, ночные гонки, клубы до тех пор, пока плохой парень не влюбился! Именно в девчонку, с которой они – смертельные враги, которая его ненавидит, потому что он сломал ей жизнь и отнял у нее все. Теперь Косте предстоит пройти сквозь огонь и воду, демонов, призраков и даже джинна на факультете магии, чтобы заново наладить ее жизнь. Ему придется практически все потерять – свой высокий статус, друзей, деньги, расположение отца, который уже нашел ему богатую невесту, забыть про сон и покой, чтобы добиться ее... Добьется?

Содержание

Глава 1. Два часа до заката	4
Глава 2. Закат	26
Глава 3. На помойке	54
Глава 4. Ноль эмоций	73
Глава 5. Ночное randevu	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Кира Тигрис

РомФак. Факультет

Романтики

Глава 1. Два часа до заката

Ничего не бывает вечно, все проходит... Вот и самый затяжной дождь этой недели закончился, тучи разбежались в стороны, уступив место ярко-красному вечернему солнцу. Мои вытертые темные джинсы высохли, а пожившие кроссы перестали хлюпать. Странно, почему же все-равно так холодно? Зубы стучат, плечи дрожат...

Ведь сейчас я сижу не на мокрой лавочке на ветренной улице, а в кафешке, в маленькой семейной кофейне на пять столиков, уютной и теплой, и не только от мощных обогревателей, а от улыбок, взглядов, разговоров посетителей... Здесь все хорошо друг друга знают, дружат годами или уже давно встречаются, и лишь только я опять сижу одна одишенька и пытаюсь найти хоть одно знакомое лицо. Сейчас мне поможет согреться глоток обжигающе-горячего кофе, ведь в любой непонятной ситуации я бегу за капучино или американо. Но что за ерунда? Мой свежесваренный напиток, который был буквально огненным еще пару секунд

назад сейчас превратился в... остывший горько-молочный коктейль... еще чуть-чуть, и он совсем остынет. Да как же так? Что тут вообще происходит?

Я огляделась по сторонам, запрокинула голову вверх, так что моя челка, влажная от дождя, длинная и давно нестриженная, снова сползла на мой правый глаз. С мокрого в разводах окна, словно с заплаканного зеркала, на меня устало смотрело мое отражение – вытянутое загорелое лицо, острые скулы, высокий лоб и курносый нос. Яркие голубые глаза, как негаснущие искорки магического пламени, сверкали среди черного пепла густых ресниц.

– Ну, привет! Дай лапу! – криво ухмыльнулась я, сидя на своем мягком пуфике. С той стороны стекла на меня смотрела выпученными от страха темно-зелеными глазенками... обычная городская... нет, не крыса, а белка. Однако, она куда-то быстро ускакала, при этом, кажется, недвусмысленно покрутив лапкой у виска. – Только белочки мне тут не хватало... Брр-р! И почему тут такой холодильник?

Я принялась искать источник сквозняка. Все окна были плотно закрыты. Кондиционера тут точно нет, даже если он где-нибудь и есть, то в такой промозглый осенний день его точно никто не включит. Так в чем же дело?

В кофейне, как обычно, было многолюдно, все столики и стулья-пуфики заняты... все, кроме того, что стоял рядом со мной. Естественно! Ведь я, как всегда, сидела одна-одинешенька, отвернувшись от всего мира к заплаканному до-

ждем окну.

– А-ай!! – невольно вскрикнула миловидная девушка с графином молока в руках, резко вскакивая с того самого одинокого стоящего пуфика рядом со мной. Только что она на него незаметно присела, дабы скрасить мое одиночество и поговорить с самым неблагодарным собеседником на Земле – со мной. Но тут же вскочила с него, как ошпаренная. Ее длинные темные косы воспользовавшись моментом отсутствия гравитации тут же выбились на свободу из-под форменной светлой косынки официантки. Это, конечно же, была Дженни, девушка юного хозяина кофейни. Еще несколько часов назад они с Даниэлем, ее парнем, могли навсегда потерять друг друга, но теперь над их головами снова сияет солнце, и у них все хорошо.

Увидев меня, угрюмую и забившуюся в дальний угол, Дженни, конечно же, решила ко мне подойти и поговорить, понять, что происходит, принести что-нибудь вкусненького... Зря, очень зря...

Для этого она и взяла с собой этот небольшой графинчик – это предлог, чтобы подлить холодного молока в мой огненный кофе. Только вот последний давно постыл...

– Да он же просто ледяной! Здесь словно гора кубиков льда лежала! – пожаловалась Дженни, проводя ладонью по бархатной поверхности пуфика цвета капучино, на которой поблескивали кристаллы инея. Девушка быстро поправила белый фартук, одернула темно-коричневую юбку баристы и

машинально поставила свой графин с молоком прямо на тот самый холодный пуфик. – Эй, Ани, а тебе разве не холодно?

В ответ я лишь молча закатила глаза к потолку. Да сколько же можно всем повторять, что меня зовут Тони?! Сколько? Однако, в слух я не сказала ни слова – не хочу огрызаться с Дженни. Она – хорошая добрая девушка, может быть, слишком простая и наивная, а еще, порой, чрезвычайно надоедливая со своими советами и разговорами по душам... Лучше бы просто принесла мне вкусняшек, дурочка! Стоп! Внутри меня, вдруг, незаметно вспыхнул прямо настоящий пожар гнева. Вот так вот ни с того не с сего я завелась с полоборота, легкое раздражение в миг переросло во всепоглощающий самый настоящий гнев! Но почему?! Ведь ничего же не произошло... С вами так тоже иногда бывало? Вроде бы и нет никаких причин для скандала но, вдруг, бах, хочется все крушить и рушить!

– Что... что здесь происходит? – дрожащим от страха шепотом спросила Дженни, с ужасом глядя на кувшинчик, в котором молока стало раза в два меньше. А ведь все это время он лишь спокойно стоял на мягком пуфике, его стенки быстро покрывались причудливыми узорами инея. В воздух с поверхности молока поднимался какой-то странный еле заметный белый туман, словно пар от горячей кружки, а не от охлажденного продукта. – Это ты только что выпила молоко, да? Боже, как же тут холодно и...

Да она что, издевается надо мной?! Снова во всем вино-

вата я!

В порыве ярости я молча смахнула локтем проклятый кувшин с пуфика, он с грохотом раскололся вдребезги о кафельный пол кофейни. Все окружающие прекратили разговоры и пристально уставились на нас. Минута славы, блин! И, как обычно, я в центре внимания! Но сейчас мне было не до косых взглядов и приглушенного осуждающего шепота. Среди молочно-белых осколков графина на темном полу отчетливо выделялось простенькое золотое колечко... ровное, красивое и обручальное. Дженни его тоже заметила, и пухлые щеки девушки тут же стали заливаться ярким румянцем, как яблоки на солнце. О, нет! Это могло значить только одно – ее парень Даниэль, наконец-то, решил сделать своей девушке предложение руки и сердца. Все должно было быть красиво и романтично. Возможно, чуть-чуть попозже сегодня вечером, когда влюбленные, наконец-то должны были остаться одни, Дженни могла бы взять этот графин, вылить молоко и обнаружить на дне кольцо, а рядом салфетку с самыми горячими признаниями в любви и предложением быть всегда вместе. Но увы, такого не случилось, потому что случилась я... Теперь Дженни, хлопая глазами от удивления и эмоций, стала неуверенно наклоняться к кольцу, чтобы поднять его с пола. Мне, вдруг, стало ужасно стыдно, щеки и уши запылали огнем, захотелось провалиться и как можно глубже. Зачем я разбила графин и все испортила? Что это на меня нашло? Я попыталась вскочить со своего пуфика,

чтобы дать деру к двери, но дальше случилось нечто очень странное.

Я просто не смогла встать, первая попытка обернулась провалом, и я тут же плюхнулась обратно. На мои худые замерзшие плечи в прямом смысле опустились чьи-то невидимые руки, удерживая меня на месте, словно пара твердых ледяных тисков. Я попыталась их сбросить, передернула плечами, но они исчезли так же быстро, как и появились, оставив после себя на футболке лишь отпечатки пальцев из белого холодного инея. Здесь что-то было явно очень не так...

– Зайчонок, все в порядке?! – раздался взволнованный знакомый голос – высокий парень с темно-рыжими вихрастыми волосами вынырнул из зала и бережно обнял расстроенную Дженни за плечи. – Ты вся дрожишь... Малышка, что случилось?

Мгновенно мой жуткий стыд снова сменился пламенной яростью. Я отвернулась и заскрипела до боли стиснутыми зубами. Мне будто-то кто-то нашептывал на ухо: «Ты здесь лишняя! Зачем ты вообще пришла сюда? Ты же всегда одна! А здесь везде эти проклятые сладкие парочки! Высшая кара – это оказаться в одном пространстве прямо рядом с ними! Зайчатки, малышки, котятки, милашки... Тьфу, блин! Что, так сложно просто стоять и не обниматься пять минут? Придурки!»

С каждой секундой мне становилось все хуже, все труднее получалось сдерживать ярость в себе. Еще чуть-чуть, и я вы-

прыгну в окно от всех этих приторных сладостей-милостей. Проклятье! И почему меня это так злит и раздражает? Я же ведь всей душой болею за эту пару! Дани и Дженни – мои самые классные знакомые, которых вполне можно назвать даже друзьями! Ведь они не один раз меня выручали – поили бесплатным кофе и угощали шоколадными кексами и... да я только что, по их тупой милости, чуть не поперхнулась этим дурацким обручальным кольцом! Еще чуть-чуть и это молоко оказалось бы у меня в чашке, а кольцо – в горле! Дани, да ты же просто настоящий болван!

В реальность меня вернули громкие всхлипывания Дженни. Несмотря на то, что девушка сейчас была в крепких объятиях любимого парня, ее лицо побелело от ужаса и откуда-то налетевшего страха. Она вся дрожала, как последний осенний лист на ветру, разглядывая окружающих огромными, переполненными слезами и ужасом глазами. Вот истеричка!

– Ты! – рявкнул в мою сторону Дани, кажется, на некогда добродушного парня тоже набросился внезапный приступ гнева. – Ты снова все испортила, да?!

Это был не вопрос, а скорее утверждение, грубо брошенное в мою сторону.

– Чего? Да пошел ты! – процедила я сквозь зубы. От его грубого тона на меня накатила такая волна ярости, что было тяжело дышать.

– Что вы делаете? Успокойтесь! – умоляла дрожащим то-

ном Дженни. Напрасно она встала между нами и попыталась нас разнять. – Умоляю! Прекратите оба!

Дани легонько схватил плачущую девушку за плечи и быстро спрятал ее за своей спиной. Температура понизилась до такой степени, что наше разгоряченное дыхание превращалось в клубы густого тумана. Но нам двоим сейчас не было холодно в этой маленькой кофейне, потому что в каждом из нас горел огонь ненависти. Мы столкнулись с ним лицом к лицу, как два дерущихся уличных кота. Даниэль схватил меня за футболку, которая громко затрещала, а я его – прямо за горло. Мы смело не моргая смотрели друг другу в глаза, каждый видел свое отражение и крепче сжимал кулаки для удара. Чьи-то зубы сейчас вылетят через три... два... один...

Наступившую тишину ожидания, вдруг, резко разорвал громкий звон колокольчика – входная дверь в кофейню широко распахнулась. Однако, на пороге никого не было, лишь только последние, но довольно яркие лучи убегающего солнца ударили нам с Даниэлем в глаза. Странно, в то же мгновение нашу взаимную ненависть, как рукой сняло. Мы мгновенно отпустили друг друга и даже отскочили на шаг назад. Дженни тут же бросилась парню на шею, ее внезапный приступ ледящего ужаса тоже испарился, как капля под яркими лучами солнца.

– Эм... я нечаянно, – пробормотала я, убирая руки с покрасневшей шеи Даниэля, тот с шумом наконец-то вздохнул полной грудью. От стыда я не знала, куда деть свой взгляд. –

Прошу понять и простить... – пробормотала я себе под нос, пока внезапно не увидела того, кто открыл дверь в кофейню в этот самый нужный момент. – Эй! Так это же белка!

И, действительно, на дверной ручке с уличной стороны повис тот самый зверек, что еще недавно рассматривал меня своими зелеными бусинками-глазенками сквозь заплаканное окно. Очень необычный цвет глаз для грызуна. Так же у зверька совершенно отсутствовал хвост, словно его оторвали. Белка отнюдь не обрадовалась моему энтузиазму, а также прочим сюсюканиям, полетевшим на нее со всех сторон, вроде «Ути-пути, какая холосая!» и даже «Кыс-кыс-кыс! Держи кекс!». Зверек сердито пискнул и быстро перепрыгнул с дверной ручки на пожелтевший куст сирени, оттуда – на березу и далее по крыше исчез в неизвестном направлении. То же самое сейчас намеревалась сделать и я – от стыда провалиться, лишь бы побыстрее отсюда удалиться.

Да уж! В этой кофейне мне больше ничего никогда не достанется нахаляву, кроме подзатыльников...

Странное непонятное дело. Каждый из нас может вспомнить моменты, когда, вдруг, из неоткуда накиндовалась смертельная тоска, жгучий гнев или же непонятный страх. Вроде бы, все хорошо, но нет, все вокруг бесит и раздражает, что-то огромное давит на плечи, прижимает к земле. Внезапно хочется все бросить и расплакаться. Окружающие делают все не то – не то говорят, не так смотрят и даже – дышат. Всему

на свете, даже самому невероятному, есть объяснение...

В тот дождливый осенний вечер в маленькой частной кофейне грелись не девять гостей, а одиннадцать. Двое непрощенных и невидимых мальчишек сидели у дальнего окна рядом с худенькой темноволосой девушкой в затертых джинсах и в темной потрепанной футболке.

Небольшие и но невероятно красивые, словно искусно сделанные куклы, мальчишки сначала долго молча смотрели друг на друга, моргая своими длинными ресницами, будто не веря, что, наконец-то, смогли встретить в мире людей свою полную противоположность. Так уж повелось, что любовь и смерть часто ходят вместе.

– Люцифер? Ты что тут делаешь? Кто отправил тебя в мир смертных? – спрашивал снова и снова златовласый милый мальчишка лет двенадцати, моргая ярко-голубыми, как безоблачное небо, глазами. Он был размером не больше обычного домашнего кота, и сидел на краешке стола так близко к девчонке с темными короткими волосами, что мог с легкостью до нее дотянуться. За его хрупкими детскими плечами сияла пара ослепительно-белых крыльев, в тон его легкой греческой тоге. – Твой отец, вообще, знает, что ты тут?

– Знаешь что, Амурчик, мне уже три сотни лет! – прошипел его бессмертный собеседник, еще один вечно-юный мальчишка, который вырос не годами, а тысячелетиями. Он был обычного роста, привычного для паренька лет пят-

надцати, бледнолицый, темноглазый и с головой закутанный в плотный черный плащ, такой плотный и толстый, словно сотканный из тьмы беззвездной ночи. За его спиной торчали угольно-черные перепончатые крылья, как у огромной летучей мыши. – Где хочу там и гуляю! Я здесь на каникулах! Мне надоело сидеть в Тартаре и играть с Цербером!

– Я тебе не Амурчик! Меня зовут Джонас, что значит, голубь... – уверенно начал Купидон, крепче сжимая свой золотой лук, что висел у него через плечо.

– Для меня ты всегда будешь голубок! – нахально перебил Демон, сверкая своими черными без белков и зрачков глазами. Следом он добавил с нескрываемой гордостью. – Я не Люцифер, не путай меня с братом! Меня зовут Люциморт, что значит гибель света!

– Эм... ты имел ввиду – гибнущий от света, да? – передразнил его Джонас, который гораздо лучше знал древнейший язык.

Люциморт сделал вид, будто ничего не услышал. Он не мог и пальцем тронуть Купидона, для него это было все-равно, как прикоснуться к открытому огню. Незримый мальчишка Демон сидел на том самом свободном мягком пуфике, что одиноко пустовал рядом с пацанкой. От его плотного черного плаща вверх поднимались еле заметные белые клубы тумана, какие бывают, когда кто-то разгоряченный выходит из бани на мороз. Только сейчас все было с точностью, но наоборот – это в кофейне было тепло, а от парня, как от

свежего куска льда, по комнате растекался холод. Вот почему голубоглазая девчонка, сидящая рядом с ним в одних джинсах и футболке, мерзла и дрожала, а ее кофе остывало с такой скоростью, будто его поставили в холодильник. Согласно законам физики так всегда бывает, когда любой призрак или Демон приходит в мир смертных – он отнимает тепло и энергию у всего живого, часто ломая и разрушая все, к чему прикасается. Вызывая у людей самые негативные эмоции безо всяких на то причин.

– Значит, голубочек, эта лохматая с темными волосами – та самая смертная, что помешала мне вырвать у тебя колчан со стрелами вчера вечером, да-с? – зло проскрипел зубами Люцимортт, небрежно кивая в сторону голубоглазой пацанки. Его черные глаза, как две дыры в потусторонний мир, совершенно не имели белков и поглощали не только свет с теплом, но и надежду. Младший и самый любимый сын Аида скинул с головы свой глубокий черный капюшон, во все стороны, как змеи, по его плечам разбежались длинные иссиня-черные пряди волос. Значит, в кофейне стало уже достаточно холодно, и он может снять шапку. Еще минут двадцать-тридцать, и на окне вместо мокрых разводов дождя станут проступать узоры инея. Но адский холод – это, увы, далеко не самое страшное, что в мир смертных может принести с собой Демон, тем более такого уровня, как сын самого Аида.

– Что ты молчишь, пернатый? Я все и так давно знаю, ка-

кое желание она у тебя попросила! Значит, теперь ты охраняешь ее сердце от стрел других Купидонов? Чтобы девочка не могла влюбиться? Ха! Какое верное у нее желание! И... какое глупейшее благородство с твоей стороны! Ну посмотри ты на этих смертных! Какие же они жалкие, слабые и ничемные! Ой... ауйч! Будь ты проклята до седьмого колена, ведьма!

В этот момент между беседующими втиснулась миловидная девушка с длинными русыми косами в фартуке баристы. Она, естественно, совершенно не видела присутствующих мальчишек и осторожно присела на свободный пуфик... а точнее – прямо на колени обалдевшего Люцимортта. Тот живо шлепнул по ее уставшей «Мисс Сижу» своими ледяными ладонями, от чего девушка с визгом вскочила на ноги.

– Совсем страх потеряла, курица? В Тартар хочешь? – огрызнулся Демон, раздраженно шелкая хвостом в воздухе. У Люцимортта был длинный тонкий хвост наподобие обезьяньего, только заканчивался белой пушистой кисточкой, внутри которой обманчиво пряталось жало.

После недолгих возмущений, Дженни осторожно поставила на пуфик графин с молоком, а точнее – прямо на острые твердые колени Люцимортта. Девушка, конечно же, ничего не заметила, начала прибирать салфетки на столе и попыталась заговорить с уже стучащей зубами от холода пацанкой.

Так графин с молоком оказался стоящим прямо на коленях у возмущенного Демона. Он бы громко лопнул через па-

ру минут, когда жидкость бы полностью превратилась в лед и расперла стекло, но не тут-то было. От черного плаща с шипением повалил густой белый пар, словно в сугроб бросили раскаленный кусок металла.

– О, Слепая Горгулья! Уберите с меня эту дрянь! – визжал мальчишка, топая ногами, словно ему на колени положили горящий раскаленный уголек. Демон отчаянно хлопал своими черными перепончатыми крыльями и тем самым понижал температуру в кофейне еще сильнее. – Жжет-то как! Что это за дерьмо такое?!

– Обычное обручальное кольцо, – ответил его золотовластый собеседник, Купидона, казалось, забавлял тот факт, сто сейчас великий всесильный Демон был абсолютно беспомощен перед единственным чувством. Что ж тут поделаешь, если любовь действительно сильнее самой смерти.

Джонас, как ни в чем небывало, продолжал объяснять ситуацию своим звонким мальчишечьим голосом:

– Через пару часов возлюбленный этой девушки сделает ей предложение руки и сердца. Для этого он придумал интересную штуку – приклеил золотое колечко пищевым клеем, каким обычно смертные прикрепляют украшения на сложные торты, ко дну графина, чтобы, как только молоко кончится, девушка увидела сюрприз и при этом случайно не проглотила его раньше времени, но...

– Сними с меня эту мерзость! Убери ее! – кричал Демон – в полах его толстого плаща уже давно была прожжена дыра,

которая с каждым моментом разрасталась все больше и шире. Даже сын самого Покровителя мертвых ничего не мог поделать с обычным обручальным кольцом, заряженным взаимной любовью двух смертных. Люцимортт не мог взять его в руки, боясь обжечься, и потому он с ужасом смотрел, как этот «горящий уголек» прожигает дырку в его любимом плаще и уже частично – в штанах. Еще чуть-чуть, и любимый младший сын Аида превратится в дочку. – Чтобы вы все сгорели в Тартаре! Проклятые влюбленные!

Однако несмотря на то, что в кофейне уже запахло паленым, Купидон не спешил освобождать своего самонадеянного собеседника от графина с сюрпризом. Ему, пусть даже и светлому духу, было запрещено высшими силами вмешиваться в мир смертных и касаться их материальных предметов. Пусть даже те и прожигали дырку в чьих-то штанах...

– Ты же знаешь, Люцимортт, что властью Высших мне запрещено касаться материальных предметов из мира смертных! Печально, но я ничем не могу тебе помочь! – со вздохом ответил Купидон, однако, его был не таким уж и печальным. – Всего одно прикосновение станет моим последним! Нет, Купидоны не умирают, после нарушения правила, они просто растворяются в этом мире и продолжают жить в своих стрелах, что застряли во влюбленных человеческих сердцах!

– Да хоть в заднице! – процедил сквозь зубы Демон, вертясь на стуле, как на раскаленной сковородке. После града проклятий и ругани, он все-таки смог дотянуться кончиками

своих ледяных пальцев до дрожащей руки пацанки. Реакция последовала незамедлительно, девчонка размахнулась и со всего плеча сбила злополучный графин на пол. Со звоном стекло разлетелось вдребезги, разбрызгав вокруг холодные капли молока.

– Так-то лучше! – ухмыльнулся Люцимортт и живо вскочил на ноги, стыдливо прикрывая руками колени. Дырка в его плаще стала медленно затягиваться, словно быстро заживающая рана на ком-то живом. – Проклятые смертные! Ну, чего ты опять молчишь, пернатый? Как же скучно с тобой!

Купидон, хоть и выглядел слабее и младше своего собеседника, был на несколько сотен лет старше его, а потому – мудрее, и предпочитал больше молчать и слушать, чем болтать. Ведь Демоны, как джинны, очень часто цеплялись за слова, тем самым выясняя мотивы и желания своих собеседников, которые использовали потом против них самих же.

Освободившийся от тяжелой ноши Люцимортт подлетел к официантке с косами и принялся ей что-то быстро нашептывать на ухо, отчего глаза девушки тут же наполнились слезами, а губы задрожали от немого плача.

– Что же ты натворила, дурочка?! Ты потеряла его кольцо! – чуть слышно шептал он на ухо несчастной, трясущейся от страха Дженни, выдавая все услышанное за ее собственные страшные мысли. Да, действительно, больше всего на свете она боялась потерять своего Даниэля. А между тем, Демон только начинал развлекаться. Он даже дернул девуш-

ку за одну из кос, отчего у той на из глаз брызнули слезы. – Посмотри на себя! Ты просто жирная неуклюжая корова! Он разлюбит тебя. Ты все испортила. Упустила свой шанс. Теперь он никогда больше не сделает тебе предложение...

– А ну отойди от нее, змееныш! – закричал Купидон, вскидывая свой лук с уже заряженной золотой стрелой. – Уходи отсюда!

– ...или что? Ты в меня выстрелишь? Или заплачешь? – звонко засмеялся Демон, запрокидывая свою черноволосую голову назад, из его рта торчала пара острых, как у вампира клыков. Он наклонился, собираясь еще что-то сказать на ухо смертельно-бледной Дженни, но в этот момент к девушке подошел ее возлюбленный и бережно обнял за плечи. Демону ничего не оставалось, как отскочить от парочки на пару метров, как от горячего костра. Чего-чего, а вот находиться рядом с влюбленными Люцимортту сейчас хотелось меньше всего, их чувства обжигали его, как жаркое пламя. – Проклятье! Ненавижу! Тысяча проклятий!

– Я сказал, уходи отсюда – из таверны, да и вообще из мира смертных! – продолжал целиться в него из лука Купидон. – Или клянусь небом, я выстрелю и... я не знаю, что будет дальше! Никогда прежде не стрелял в Демонов. Возможно, ты просто погибнешь, возможно, я обреку тебя на вечные муки безответной любви!

На что Демон лишь криво ухмыльнулся:

– И в кого я влюблюсь? В нее, да?

Он небрежно кивнул в сторону одиноко сидящей девушки с короткой стрижкой. Она пристально смотрела своими ярко-голубыми глазами прямо на незримых крылатых мальчишек, будто могла их видеть. Каким-то шестым чувством она ощущала, что причиной ее необъяснимой внезапной ярости являлся кто-то, совершенно не принадлежащий этому миру.

– Это ее сердце ты охраняешь от своих же золотых стрел? И что, так будет до конца ее жизни?

– Да! Я дал слово – я его держу! – твердо ответил Купидон.

– Хах! Позволь тебя обрадовать, благородный голубок, – Демон радостно подскочил к краюшку стола, на котором сидел его собеседник, достал из бездонных складок своего черного плаща древний потрепанный свиток и повертел им прямо перед самым носом Джонаса. – Твоя служба у ее сердца скоро закончится. Вот, полюбуйся! Антонина Эванс, самая первая в списке Свитка смерти. Уже к закату солнца ты будешь свободен! Тебе осталось мучиться меньше двух часов. Я пришел сюда не развлекаться – я пришел забрать души парочки смертных. А после этой пацанки будет какой-то Леон Норгенштерн, а потом...

– Но... тут даже чернила еще не высохли! Эти двое были дописаны совсем недавно и... совершенно другим почерком, – нахмурился Купидон, бормоча себе под нос, прищуривая свои голубые глаза. О, сейчас он видел гораздо больше, чем корявые строки на старом пергаменте. – Но ведь вмешиваться в дела Судьбы запрещено Великим Советом!

Тем более в хрупком мире смертных. Именем Светлой Королевы! Кто тебя сюда послал? Кто разрешил тебе взять свиток Смерти и дописать туда имена?

– Это тебе все запрещено в этом мире, голубочек, – ухмыльнулся Люцимортт, выдергивая из-под носа Купидона. – Великий Совет мне не указ! Судьба и рок существуют только для слабых никчемных смертных. Сильные мира сего сами творят историю! Только мы решаем, где будут следующие войны, кому стоит жить, а кому нужно умереть. Этих двоих, Антонину и Леона, уже давно жаждался мой покровитель в Тартаре. И не мешайся мне, пожалуйста, под крыльями!

С этими словами Демон осторожно опустил свои тяжелые ледяные ладони на хрупкие плечи голубоглазой девушки с короткой стрижкой, словно взвалил на нее всю тяжесть одиночества и безысходности.

– Меня сейчас тоже бесит эта ванильная парочка! Пара года – два уroda! Как же я тебя понимаю..., – сочувственно прошептал ей на ухо черноглазый, самодовольно улыбаясь, словно жаждущий спектакля зритель. – Зачем они встали рядом с тобой? Издеваются, гады, да? Не видят, как тебе тяжело? Как одиноко и противно это видеть! Или, наоборот, все понимают, но твари...

– Отойди от нее! – закричал Купидон, с ужасом глядя, как крепко сжимаются кулаки девушки – от обиды и нарастающего гнева. – Клянусь небом, я выстрелю! Отошел быстро!

– Очень не советую мне угрожать! Просто подумай о гнев

моего отца, голубок, – отмахнулся Демон, будто бы у Жоннаса был игрушечный лук, – я не только младший сын Аида, но и самый любимый! Если я сегодня же не вернусь в Тартар, тебя посадят, как джина, в бутылку, которую... засунут в одно место самому старому дракону с хроническим запором!

И он громко раскатисто засмеялся над своей же не смешной шуткой. Его длинный хвост словно жил своей жизнью отдельно от хозяина. Он то опрокинул пару чашек чая на колени удивлённых гостей, то щёлкнул по заднице проходящую мимо девушку, которая в ответ дала звонкую пощёчину случайно оказавшемуся рядом молодому человеку. Так в некогда маленькой уютной кофейне потихоньку наступал абсолютный хаос. Гости мерзли, получали подзатыльники из неоткуда, злились, пугались, отчаивались и боялись. А между тем Даниэль и Антонина, как самые близко стоящие к Демону получили самые большие дозы его одурманивающего яда, уже повернулись лицом к лицу, сверкая ненавистью в глазах и готовые пустить в ход кулаки. Правда Демон уже успел шепнуть на ухо парню о том, как «...эта страшная паршивка снова все загадила! Она разбила графин и испортила такую красивую и романтическую помолвку! Дженни этого не простит! Второго шанса не будет!»

– Остынь, голубок, – криво улыбнулся Люциморт, блестя своими длинными острыми клыками. – Присядь и наслаждайся спектаклем. Ставлю свой плащ на то, что эта девчонка сейчас расквасит нос этому хлюпику-смертному. А ты да-

вай сюда свои стрелы. Ну хоть одну поставь!

– Отстань от них! Прекрати! – напрасно требовал Купидон, чувствуя всю безысходность ситуации – ему никогда не совладать с сыном Аида, который почему-то совершенно не боялся его золотой стрелы.

– Прошу приготовиться! Драка года начнется через три, два, один... – веселился Демон, пока, вдруг... – О, проклятье! Ну что еще?!

В этот самый ответственный момент громко зазвенел колокольчик, и дверь в кофейню распахнулась, впуслав вовнутрь хоть и осенние, но еще яркие лучи заходящего солнца. Именно они подействовали на дерущихся, как опрокинутая пара ведер холодной воды. Это было именно то, что необходимо было сделать в такой непонятной ситуации, когда внезапно налетает гнев, отчаяние или страх. Нужно просто выйти на улицу или распахнуть окно, встать лицом к солнцу, и тогда Демонические силы отступят, как исчезают тени перед рассветом.

Дани и Антонина не просто тут же отпустили друг друга, но и буквально отпрыгнули в разные стороны, мгновенно опомнившись, словно проснувшись от колдовского сна. Им обоим сейчас было очень стыдно.

– Проклятая блохастая белка! Все испортила! – рявкнул Люцимортт, кинувшись на испуганного зверька, что в это время висел на дверной ручке, вцепившись в нее крохотными лапками. Городской грызун уже, видимо, был знаком, с

грубым обращением, раз у него полностью отсутствовал пушистый хвост – краса и гордость любой уважающей себя белки. – Ненавижу этих лесных троллей! Брысь! Поймаю, сделаю из него мочалку!

После таких угроз белка не заставила себя долго ждать – тут же пустилась наутек, словно поняла каждое ругательство, брошенное в ее сторону.

Первой опомнилась Антонина, она поправила полу-разорванный воротник своей темной футболки и, пробормотав что-то вроде «Прошу понять и простить!», выскочила из кофейни на улицу. Следом за ней бесшумной тенью мелькнул Демон и ярким зайчиком света скользнул Купидон.

Глава 2. Закат

Ярко-красное солнце уже совсем низко висело над горизонтом, не желая больше смотреть на каменные джунгли нашего приморского городка. Уверенно и быстро я иду по территории самой большой и престижной академии в нашей стране, а то, может, и в мире. Попасть сюда учиться немногим легче, чем в Хогвартс. Даже все платные места всегда заранее распределены между самыми богатыми представителями самых жирных «сливок» общества. Но чудеса случаются! академия проводит сложные многоступенчатые конкурсы, всячески испытывая победителей, и тем самым отбирает для себя самых талантливых и способных ребят, которых обучает бесплатно. Одним из таких «счастливых студентов» еще вчера была я – посещала лекции, иногда отсыпалась на последней парте, писала шпаргалки на зачеты, делала для особо обеспеченных, но не особо одаренных студентов курсовые и проектные работы.

Можно смело сказать, что я была счастлива, жила в общаге с пусть простоватой и помешанной на здоровом образе жизни соседкой-дизайнершей, одевалась почти по погоде и чаще накормлена, чем голодна. А что мне еще было нужно? Любовь? Отношения? Ну уж нет! Пожалуй, на что у меня не было сил, времени и нервов, так вот уж на эту бесполезную трату времени – переписки, свиданки, разборки... Говорят,

что для настоящей гармонии все нужно научиться делать параллельно – и учиться, и встречаться. Но мне совершенно не хотелось терять голову, когда на кону мое будущее, одна неловкая влюбленность не в того парня может разрушить все. Однако, не только любовь может испортить карты, но и ненависть тоже. Любить «не того» парня – это беда, а вот ненавидеть «не того» парня может оказаться гораздо большей проблемой.

Практически во всех сказках присутствует ужасный и злой дракон, который держит в страхе всю местность, терроризирует и грабит несчастных беспомощных жителей. Так вот и в нашей академии, да и в общем-то во всем небольшом приморском городке таким «драконом» был Константин Блэкстоун, единственный сын и наследник самого богатого и влиятельного бизнесмена. С детства парню все покупалось и все позволялось. Так вот теперь, повзрослев, он стал выбирать своими игрушками не только дорогие тачки и мотоциклы, но и живых людей, а особенно – девушек, которые слетались к нему, как мотыльки на пламя. Странное дело, но чем больше они обжигались, плакали, ревновали и страдали, тем отчаянней стремились оказаться рядом с ним, хоть ненадолго, хоть даже если всего на одну ночь. Пожалуй, я была единственная здравомыслящая девчонка в нашей академии, которая была больше заинтересована в продаже курсовых для этого плохого парня, чем в его внимании. У меня был словно «иммунитет» к его чарам.

Все было просто отлично, пока однажды этот мерзавец не стал нагло приставать к моей подруге, за что тут же получил кулаком в нос. Угадайте-ка, кто посмел разозлить дракона? Конечно же я! А что еще я могла сделать? Просто стоять и смотреть, позволить этому хаму нагло издеваться над моей подругой? Ну уж нет! Я ни о чем не жалею! И если бы у меня был шанс что-то изменить, я бы посильнее заехала ему с правой. Может быть, успела бы и пару раз. Ему очень полезно!

Этот удар стоил мне многого, точнее, из-за неумения держать себя в руках я лишилась всего. Молодой «дракон» был в страшнейшей ярости! Он даже позвонил и пожаловался своему всесильному папаше. В итоге меня обвинили во всем, с позором отчислили из академии, выгнали из общежития и наложили трехэтажный штраф. Так мы с Константином Блэкстоуном стали злейшими врагами, буквально сходящими с ума от ненависти друг к другу. Даже сейчас я проклиная его имя, используя его вместо ругательства, и мне хочется просто прибить этого гада. Однако, я совершенно не подозревала, что часто в сказках тот, кто убьет дракона, становится новым драконом.

Но на этот раз у меня есть для него небольшой сюрприз. Точнее, я уже не просто беззащитная и униженная девчонка, которой больше некуда пойти, потому что он отнял все – обучение в престижной академии, проживание в общежитии, последние сбережения, которые ушли на оплату несправед-

ливых штрафов. Сейчас моем правом кармане лежит смятый чек на довольно крупную сумму денег. Вот это и есть настоящая магия в нашем продажном мире смертных! Не спрашивайте откуда! Я и сама с трудом верю, что всего пару часов назад в моем распоряжении был ледяной кристалл, который мог замораживать само время и белый плащ, который мог не только сделать меня невидимой, но и перенести в любую точку пространства. С замиранием сердца я представляла, как буду носиться в этой мантии-невидимке на кухне какого-нибудь суперэлитного ресторана или же просто в дорогом супермаркете премиум класса... а с помощью кристалла остановки времени я могла бы стать самым высокооплачиваемым шоуменом Земли. Но увы, кристалл быстро растаял, я сама даже не заметила как. К счастью, подаренных им минут хватило для того, чтобы спасти жизнь моему если не близкому другу, то очень хорошему знакомому.

Волшебную мантию у меня тут же отобрали. Стыдно признаться, но я ее сама по глупости отдала прямо в руки, а точнее – в лапы врага-предателя, после чего мне пришлось спешно уносить ноги. Но ничего! У меня еще остался последний козырь! Сейчас я обналичу весьма солидный чек с приличным количеством нулей, восстановлю свое место в академии и навалю промеж ушей этому Косте. Все будет, но не сразу!

Студенческий городок – волшебное место, где время словно остановилось в юности. Все молоды, прекрасны, пол-

ны энергии, верят в мечты и в счастливое будущее. У нашей академии было несколько факультетов, куча специальностей, а потому и так много корпусов, разбросанных по необычайно огромной территории. Такой большой, что из одного конца в другой по рельсам бегали новенькие трамвайчики, словно блестящие разноцветные змейки. Для студентов они, естественно, были совершенно бесплатны. Но только для тех, кто действительно являлся полноправным студентом и обладал пластиковым студенческим билетом-карточкой. Меня же, благодаря треклятому Косте, чтобы его понос пробрал с утраца, с позором отчислили из академии, даже после того, как я с таким трудом, буквально с потом и кровью, сюда поступала на бюджетное место. Из-за недействительного студенческого и не имения совершенно никаких средств в дырявых карманах своих потрепанных джинсов, я просто молча шла по трамвайным путям среди аллеи высоких сосен, ничего и никого не замечая вокруг. Самое главное в нашей жизни – уметь наслаждаться мелочами, короткими мгновениями. Так и я на несколько минут забыла о всех своих проблемах, допивая из бумажного стаканчика хоть и остывший, но вкусный кофе и заедая его большим шоколадным кексом, который я без спроса взяла не спрашивайте где. А я по шпалам, опять по шпалам...

– Антона Эванс, ты виновна в краже магических предметов и незаконном использовании их в земном мире на полном виду у множества смертных, – на одном дыхании про-

изнес приятный юношеский голос за моей спиной. Эту фразу он знал наизусть, этой фразы боялись все в Зазеркальном мире, ведь расплатой за такое, одно из самых тяжких преступлений, являлась смерть. – Ты должна отправиться с нами на Суд Старейшин!

От знакомого голоса по моей спине побежали мурашки, я резко обернулась. Передо мной стоял высокий статный юноша с самой эпатажной прической на свете – его темные густые слегка выующиеся волосы с левой стороны головы были очень коротко подстрижены, практически сбриты под ноль, а с другой остались нетронутыми и такими длинными, что доходили почти до талии. Самсон, самый неуязвимый и сильный солдат из Светлого Легиона. Своей правой рукой, что была с той стороны, где он не стриг волосы, он мог в прямом смысле выжать из камня воду. Такой силищей обладали бы его обе руки. Парень просто не мог ее контролировать, он все вокруг крушил и ломал, не умея рассчитывать свои усилия. Секрет такой мощи крылся в его волосах – чем длиннее пряди, тем сильнее руки. Вот потому парень и сбрил свой левый висок – дабы хотя бы левой рукой здороваться с товарищами в Зазеркалье, пожимая им руки, и при этом никому не ломать пальцы. Сейчас же я совсем была не рада видеть Самсона в мире смертных, а особенно – повстречаться с крепким кулаком его правой руки.

Рядом с загорелым коренастым юношей стояла стройная девушка с ярко-рыжими волосами, ее короткую стрижку иг-

риво взъерошил налетевший порыв ветра. Это была Диана, самая ловкая, гибкая, быстрая и просто лучшая из амазонок. Если ее тоже отправили за мной в мир смертных, значит, мои дела совсем плохи. Светлые Легионеры очень часто использовались в качестве полиции, как в мире Зазеркалья, так и в обычном мире смертных. Естественно, ведь преступники могли свободно перемещаться между мирами, проходя сквозь порталы-зеркала, как сквозь двери.

Сзади меня на остановке только что с резким скрипом тормозов остановился трамвай. Он то и вернул меня обратно в мою печальную реальность.

– Привет, ребята, – пробормотала я, с ужасом глядя на серьезные лица «полицейских» из Зазеркалья. Мы втроем прекрасно понимали, что все вышесказанные обвинения в мой адрес были чистой правдой. – Классные у вас... шмотки!

Эта странная, но отнюдь несладкая парочка переглянулась между собой. На обоих была дорогая фирменная одежда обычных смертных студентов, правда размеры были слегка перепутаны и многие вещи одеты совсем не так, как надо. Например, на Диане были явно мужские зауженные джинсы, а Самсон, наоборот, натянул на свои мышцы женский безмерный кардиган. Было заметно, что эти ребята с Факультета Преданных из волшебной академии Зазеркального мира совсем не привыкли носить земные шмотки и очень скучали по своим серебристым латам и ярко-алым мантиям легионеров. Наступила неловкая пауза, в тишине которой, словно в нед-

рах длинного туннеля угрюмо прозвучало предупреждение:

«Осторожно, двери закрываются, следующая остановка Главный Корпус академии» Бип-бип-бип... раздался громкий звуковой сигнал, вместо которого я вполне могла вставить все самые нецензурные бранные слова. Словно это закрывались двери в мое несуществующее будущее... Хотя, подождите-ка!

– Вот, держите крепче! – с нервной улыбкой я торжественно вручила Самсону свой недопитый холодный кофе, а Диане – покусанный кекс. И пока те с недоумением пялились на них, я резко развернулась и со всей дури кинулась в закрывающиеся двери трамвая. Они захлопнулись прямо перед сморщенным от негодования хорошеньким носиком Дианы. Самсон был находчивее – он схватился своей правой, самой сильной рукой за заднюю фару трамвая, которая с треском оторвалась, едва машина тронулась с места. На мое счастье водитель не заметил потери и, весело насвистывая, продолжил увеличивать скорость.

– Ты должна с нами отправиться на Суд Старейшин, – пробормотала, прижавшись носом к заднему стеклу и с наслаждением глядя, как от нас быстро удаляется пара высоких фигур, застывших в ступоре на остановке. – Сами идите-ка в такую даль! Болваны!

Наконец, мои ошарашенные преследователи скрылись за первым поворотом, и я, глубоко облегченно вздохнув, развернулась, дабы посмотреть, кто же сейчас ехал со мной в

этом спасительном трамвае. Самое главное – не нарваться в такой неудобный момент на контролеров. Но я совершенно не успела разглядеть своих попутчиков, даже не смогла толком обернуться вокруг. Мой взгляд застыл на ближайшем пустом сидении, точнее – на его мягкой спинке, обитой темным дерматином. Там с любопытством пялясь на меня своими темно-зелеными бусинами чинно восседала моя недавняя знакомая – та самая бесхвостая белка, которая в нужный момент открыла дверь в кофейню и спасла зубы Даниэля от моего кулака.

– Ты-то что тут делаешь? До дупла с нами решила прокатиться? – шепотом спросила я, наклоняясь над храбрым зверьком. Тот наострил свои острые уши с кисточками, словно понимая каждое слово, которое я ему сейчас говорила. – Может, ты дрессированная и ручная? Сбежала из цирка? Сможешь дать лапу?

Зверек возмущенно пискнул и быстро повернулся к огромному заднему окну трамвая и забарабанил по нему своей маленькой когтистой лапкой, словно пытался мне что-то сказать. Я посмотрела туда, куда он указывал, и обомлела, мои руки затряслись, а колени подкосились. На фоне ярко-красного неба, раскрашенного пожаром заходящего солнца, отчетливо были видны два темных силуэта. За нашим трамваем, словно бы он гнал не под семьдесят километров в час, а раз в десять медленнее, спокойно бежала знакомая мне парочка. Рыжая девчонка и парень с длинными волоса-

ми на один бок, пряди которых сейчас развивались по ветру. Легко, непринужденно, словно на утренней пробежке, они быстро догоняли наш общественный транспорт. Через пару ударов моего почти остановившегося от ужаса сердца тромвай и вообще стал предательски тормозить, подъезжая к следующей остановке.

– Мы в дерьме, пушистый! – только и смогла произнести я, опускаясь на четвереньки и заползая в узкое пространство между сиденьями.

– Гражданочка, вы что совсем рехнулись? – с брезгливым визгом накинута на меня пожилая дама, которая в самый последний момент взяла из проема на руки своего пушистого пуделя, трусливо поджавшего хвост. – Фу, Баркли, фу! В следующий раз поедem на такси!

– Я эм... не трону вашего пса, – быстро промямлила я, оправдываясь, – я тут... уронила колечко... дорогое. Вот ищу!

Как только двери трамвая тихим шуршанием распахнулись, в салон влетели Диана с Самсоном, а за ними чинно на борт поднялась пара строгих коренастых контролеров, одетых в фуражки и темно-синюю форму. Все перечисленные, разумеется, вошли через переднюю дверь, так как остальные пары дверей работали только «на выход» и открывались строго по требованию. Пока legionеры «прочесывали» опытными взглядами салон, я успела подползти на четвереньках, дабы меня не было видно, к задней двери и нажала

красную кнопку выхода. Водитель тут же получил сигнал и послушно открыл дверь. Первой из салона вылетела белка и усакала в неизвестном направлении, затем по ступенькам кубарем выкатилась я и рухнула прямо на мокрые шпалы.

«Осторожно, двери закрываются, следующая остановка «Стадион и Бассейн» – звонко предупредил приятный женский голос. Солнце уже почти село, в трамвае давно горел свет, так что снаружи было отчетливо видно, как среди пассажиров мелькнули рыжие волосы Дианы, а затем и широкие плечи Самсона. Проклятье! Эта парочка все-таки успела меня заметить и теперь летела ко все еще предательски открытым дверям, грубо расталкивая ворчащих пассажиров и наступая всем на ноги, а пуделю – на хвост. Затем раздалось спасительное «Бип-бип-бип», самое долгое и громкое в моей жизни. Под жалобное скуление, громкие ругательства пассажиров и строгое контролерское «Молодые люди! Куда это вы собрались?! Предъявите свои проездные документы!» двери трамвая громко захлопнулись. Еще никогда в своей жизни я не была так рада видеть контролеров, которые только что поймали пару самых необычных «зайцев» нашей академии.

Солнце уже почти совсем село, еще две-три минуты, и его ярко-красная макушка совсем скроется за горизонтом. Несмотря на сумерки, вокруг было довольно светло – вдоль трамвайных путей над провисшими звенящими проводами горели желтые старинные фонари с современными электрическими лампочками. Они отлично освещали улицу и за-

ставляли блеснуть пару бесконечных рельсов, убегающих в даль. Отполированные колесами до блеска, они, словно бесконечные змейки, никогда не пересекались, оставляя между собой очень ровное и довольно широкое пространство. Но здесь точно было запрещено ходить пешеходам и ездить на велосипеде или мотоцикле. Нельзя всем, кроме меня, разумеется! Ничего удобнее, чем сократить свой путь, шагая по рельсам, я не могла себе представить.

Мой трамвай быстро уносился вдаль, сквозь запотевшее заднее окно я увидела недовольные рожи legionеров, их красивые юные лица, перекошенные гневом. Самсон пытался выломать дверь правой рукой, но, боясь привлечь к себе нежелательное внимание смертных, действовал очень осторожно, а потому – неэффективно и медленно. Рядом мелькали ярко-красные от возмущения рожи контролеров. Видимо, внутри разгорался настоящий скандал. Диана, не сводя с меня блестящих от ярости глаз, медленно провела указательным пальцем вдоль своей загорелой шеи – мол, тебе хана, смертная!

Мой ответ последовал незамедлительно. Высоко и гордо я подняла вверх обе руки, зажатых в кулаки с отогнутыми средними пальцами. Получайте, бессмертные! И никогда не думайте, что я вас боюсь! Вы никогда не станете моими богами!

В тот момент в порыве гнева, я совершенно не заметила, как Самсон прекратил барабанить по двери и вытаращил

свои темные глаза от шока, как Диана в ужасе прижала свою ладонь к раскрытому рту. А позади меня едва не свалилась с самой высокой сосны зазевавшаяся бесхвостая белка...

Резкий рев мотора раздался за моей спиной, я опустила руки и, как могла, резко обернулась. Увы, как это часто бывает в такие моменты – слишком поздно. Меня мгновенно ослепил яркий дальний свет передней фары мотоцикла, я никогда бы не успела разглядеть его наездника в черной кожаной куртке. Раздался сильнейший удар, все вокруг опрокинулось, мое тело резко подбросило вверх и отнесло на несколько метров в сторону. Падая, я сильно ударилась виском о трамвайные рельсы и тут же, слегка дернувшись, навсегда затихла...

Почти добежавший до поворота трамвай резко затормозил – рыжая Диана все-таки смогла дотянуться до стоп-крана. Заклинившую заднюю дверь одним ударом выбил Самсон. У легионеров был четкий приказ – доставить эту смертную бунтарку на Суд Старейшин живой и целой. Они выскочили из трамвая под взгляды и «охание» остальных пассажиров: «Кошмар! Какое испорченное молодое поколение, Баркли!», «Вандалы бескультурные! Оплатите проезд! С вас штраф за порчу имущества!».

В нужный момент Диана резко захлопнула двери прямо перед самым носом рвущихся в бой контроллеров, а Самсон, пользуясь моментом, подошел сзади к трамваю и со всей силы толкнул его своей правой рукой. Пожалуй, это был пер-

вый в мире общественный транспорт, разогнавшийся за десятую долю секунды до ста километров в час. Как сыр по маслу, трамвай унесся в даль, высекая фейерверки ярких искр большими металлическими колесами, а самое главное – он забрал с собой всех ненужных свидетелей. Вагон резко остановился примерно через пару километров, оборвав своими рогатулинами паутину толстых и крепких проводов. Оставшись без питания, погасло сразу несколько уличных фонарей. Трамвай проехал бы дальше, если бы не одуревший от шока водитель, который все это время усиленно давил всем своим весом на тормоза. Законы физики никто не отменял – пассажиры кубарем катались туда-обратно по просторному салону. Шоу только начиналось. Совсем скоро оборванные тонкие металлические провода превратятся в невидимые прочные нити – самое страшное, что только могут встретить на пути лихие ночные байкеры.

– Дилан! Хочешь прикол?! Я только что сбил ту самую девку... ну страшную эту, что вечно путается под ногами у Косты, – ухмыляясь, закричал светловолосый парень, снимая свой фирменный красно-черный шлем. Под ним оказалось загорелое и очень симпатичное лицо юноши. Судьба всегда дает таким козлам красивую внешность, словно компенсируя ей гнилую душу. – Иди сюда, сделаем селфи, бро! Косте покажем!

Он достал из глубокого кармана своей кожаной куртки навороченный телефон, нетерпеливо ожидая, пока его рыжий

приятель тоже слезет со своего дорогущего спортивного байка и встанет рядом. Дилан медлил, подозрительно осматривая край черного кожаного сидения позади себя. На ощупь оно было холоднее самого льда, а сверху сплошь покрыто белесым узором пушистого инея. Все дорогу рыжий байкер ощущал чье-то леденящее дыхание позади себя, будто кто-то невидимый и очень холодный сидел на его пассажирском сидении. Едва мотоцикл затормозил, как с него в сторону мелькнула черная тень – это прыгнул его невидимый «ледяной» пассажир.

– Доминик, да ты просто псих! – пробормотал рыжий Дилан с опаской осматривая бездыханное неподвижное тело несчастной девушки. – А она что, того? Блин! А, вдруг, нас обвинят в чем-нибудь? Бр-р-р, холодно-то как!

– Да не сыкуй! У Косты везде связи, он нас, своих верных корешей нигде не бросит! – пожал плечами белобрысый, поправляя челку. Он передернул плечами от холода, с недоумением глядя, как его дыхание превращается в пар. – К тому же, у этой стремной девки нет ни друзей, ни родни! Ее и искать-то никто не будет! Давай скорее селфи, я замерз тебя ждать!

Он уже улыбнулся на камеру своей неподражаемой улыбкой, выровненной и отбеленной лучшими стоматологами города. Вдруг, в его модную белобрысую макушку откуда-то сверху прилетела крепкая сосновая шишка – небольшая, но довольно остроносая и твердая.

– Да что за фигня? Я не понял! – парень резко обернулся, его серо-голубые глаза взметнулись вверх и забежали вдоль высоченных вековых сосен. Вторая шишка прилетела прямо в его высокий лоб. – Ай! Блин! Вот дерьмо!

– Это... белка! Маленькая бешеная белка! – изумленно закричал Дилан, который только что тоже получил шишкой в свой рыжий висок. – Бесхвостая крыса! Чтоб тебя... Ай!

– Фоткай меня быстро! – прошипел сквозь стиснутые зубы белобрысый, – давай, типо, я наступаю ей ботинком на лицо!

– Микки! Черт, как же холодно! Коста будет беситься, что мы готовимся к Гонке без него! – воспротивился Дилан, от внезапно набросившегося на него панического страха он перешел на шепот. – Втихаря катаемся ночью по трамвайным путям... Блин, прекрати! Там вон кто-то сюда прется. Кажется, две девки. Валим!

– Не валим, а познакоимся! – остановил его Доминик, поправляя свою кожаную куртку. – Ты возьмешь рыжую, а я ее длинноволосую подругу. Люблю высоких. Ой, стой, блин... у нее пол башки лысая! Валим на фиг, это парень!

Подгоняемые холодом и внезапным паническим страхом, оба лихо вскочили на свои байки и с ревом укатили в обратном направлении – туда, откуда они тут появились. Туда, где только что потухли несколько фонарей и обвисли смертоносной паутиной острые, как бритва, оголенные металлические провода.

...

– Ауч! Моя голова... сейчас расколется! – простонала я, поднимаясь на ноги и делая несколько неуверенных шагов в сторону. Странно, я совсем не измазалась, хоть и провалялась на мокром асфальте добрых минут десять. Мне было совсем не холодно, ветер стих.

Я огляделась вокруг в поисках Самсона и Дианы и с облегчением вздохнула, увидев, как в даль с искрами из-под колес на бешеной скорости уносится мой трамвай. Легионеры тоже смотрели ему вслед, а потому стояли ко мне спиной. Нужно срочно уносить ноги, пока те не обернулись. Я уже приготовилась нырнуть в ближайшие кусты, но тут...

– Приветствую, смертная! – раздался за моей спиной звонкий мальчишечий голос, я обернулась так резко, что едва снова не свалилась с ног. Это был какой-то худой бледнолицый пацан сплошь закутанный в плотный черный... не знаю, что это – мантия или плащ какой. Он скинул со своей головы глубокий капюшон, раскидав по худым плечам угольно-черные нечесанные пряди довольно длинных волос. Довольно милый симпатичный подросток, пухлые губы, курносый нос, острые скулы и... я в ужасе отпрыгнула назад, увидев его глаза – огромные, иссиня-черные и абсолютно не имеющие белков. – Ты чего дрожишь, смертная? Самое страшное уже случилось...

– Ты... твои крылья за спиной... настоящие что ли? – пробормотала я, делая еще один шаг назад, в моей груди что-то

панически сжалось при виде этих огромных черных и перепончатых, как у летучей мыши. – Ой... хвост... ты тоже тут из Зазеркалья, да? Да че вам от меня надо всем?

С этими словами я обернулась и кинулась бежать без оглядки прямо по шпалам. Закрыв глаза, ничего не видя перед собой и даже не слыша ветра в ушах, я летела вдоль шпал трамвайных путей, куда глаза глядят... и не глядят. Одна минута... две... три... Ну все, пора обернуться и посмотреть, гонится ли за мной этой крашенный Демоненок.

– Набегалась, смертная? – ехидно спросил он, находясь прямо в метре за моей спиной. Оказывается, все это время я бегала на месте, как в кошмарном сне, когда никак не можешь убежать от своего преследователя. – Я – Люциморт, младший и самый любимый сын Аида, пришел сюда за твоей душой. Ты имеешь права поистерить, поругаться и наложить страшное посмертное проклятие на своих врагов, которые остаются живыми в мире смертных. Однако, когда придет их час, все проклятия могут быть использованы против тебя. Ты имеешь право бродить призраком среди живых не дольше сорока дней. У тебя есть одно посмертное желание...

– Ты че, малой, с сосны рухнул?! – перебила я, не желая слушать такую околесицу. Вроде бы пацан был еще слишком молод, чтобы быть настолько пьяным. Проклятые тиктокеры со своими глупыми пранками! Я отвернулась и... тут мой нахмуренный взор упал на знакомую фигуру, которая сейчас неподвижно валялась на рельсах. Над ней склонилась пара

неприятно знакомых парней. Дружки Косты! О, как же я сейчас была не рада их видеть! Оба в черных кожаных куртках и клевых шлемах, их дорогие спортивные мотоциклы стояли неподалеку. Белобрысый Доминик вытащил телефон и... уже позировал рядом с моим телом.

– Ах ты говнюк! – закричала я, кидаясь с кулаками на нахала. Потом разберусь, что происходит, а пока... с правой руки я заехала ему по носу, а левой – в челюсть, затем опять правой и левой... Но что это? Парень как ухмылялся, так и ухмыляется. Мои кулаки прошли сквозь его лицо, словно густой туман. И что самое обидное – он совершенно не заметил моего присутствия!

Я медленно обернулась на хмыкнувшего Демоненка. Как он сказал, его зовут? Люциморт, кажется...

– Добро пожаловать в мир духов! Теперь ты – призрак! Душа, которая покинула твое тело, сделав его легче на двадцать один грамм. С закатом твое сердце перестало биться, теперь ты не чувствуешь боли, холода и голода. Теперь тебя никто не видит и не слышит, как сильно бы ты не кричала, – ухмыляясь, произнес мальчишка, блестя своими черными глазами. Для него все происходящее было лишь игрой, забавой, которую он повторял из века в век, являясь в мир смертных за понравившимися ему душами. Ловкими руками с длинными музыкальными пальцами и черными острыми ногтями, Люциморт достал из бездонных складок своего плаща и показал мне старый пожелтевший свиток с нацара-

паннами на нем именами. Самое верхнее было криво перечеркнуто. Я его тут же узнала, еще толком не прочитав, «Антонина Эванс». Это словосочетание я слышала уже семнадцать лет подряд. Следом за ним шло знакомое «Леон Норгенштерн», еще пока не перечеркнутое, но кроваво красная линия уже начала постепенно проявляться, вот-вот грозясь оставить без тела еще одну молодую душу.

Я невольно отпрянула на пару шагов назад, собираясь снова по старой привычке кинуться наутек.

– Настоятельно рекомендую тебе смириться и подчиниться, – нетерпеливо процедил сквозь острые клыки Демон, сверля меня своими черными, как ночь, глазами. В руках он сжимал тонкую, еле заметную серебристую нить, которая тянулась по воздуху, словно крепкая блестящая леска с крючком... прямо к моему сердцу. Он слегка дернул за нить и я, будто невесомый воздушный шарик, послушно приблизилась к нему на пару метров. – Мы навсегда уходим из мира смертных. Прощайся, иди за мной и не оборачивайся.

– Стой! Не смей ее так быстро отсюда забирать! – разорвал тишину гневный мальчишечий голос. Он показался мне тоже очень знакомым. Где-то уже я слышала этот юный дискант.

В этот раз обернулась не только одна я, но и Демон тоже. Сверкая слезами в голубых, чистых, как небо, глазах, на нас гневно смотрел мой давно позабытый златовласый Купидон со вскинутым заряженным луком.

– Да у нее и жизни не было нормальной на Земле! Ни род-

ни, ни друзей! – продолжал Джонас, его пухлые детские губы дрожали, а по щекам катились крокодильи слезы. – Она не знала материнского тепла, никогда не видела отца! У нее нет родного дома, даже уголка, который можно было бы назвать своим! Если остальные смертные могут сосчитать, сколько у них было в жизни счастливых дней или даже лет, то ей даже сложно вспомнить хотя бы свои счастливые минуты!

Люциморт покачал своей черной нечесаной головой и хмыкнул:

– Так стреляй же в меня, голубок! Чего же ты медлишь? Заставь меня влюбиться! В прошлый раз, когда твоя стрела застряла в темном сердце Аида, то появился я! Да-да, по твоей вине мой батя влюбился, и они с матерью сделали меня! Интересно, какие развлечения будут в Тартаре в этот раз?

Скаля свои вампирские клыки, Люциморт подошел так близко к Купидону, что острие тонкой золотой стрелы уперлось прямо в его. В том самом месте, где золотой наконечник едва коснулся иссиня-черного плаща, от толстой ткани, как от раскаленных углей, вверх с шипением потянулась легкая струйка серого дыма. Они столкнулись, две вечных противоположности – свет и тьма, добро и зло, любовь и смерть...

– Не подходи ближе! – прошептал Купидон, закрывая глаза, если он сейчас выстрелит, то, согласно законам вселенной, Люциморт влюбится в первую девушку, которую увидит, то есть – в Антонину. И еще не ясно, что окажется хуже для девчонки – любовь Демона или же смерть?

Но мне было не до этого, я не могла спокойно стоять и рассуждать о своей судьбе своей бессмертной души, видя, как двое дружков Косты глумятся над моим смертным телом.

– Пошли в жопу отсюда, козлы! Фу! Сгиньте в туман! – орала я, прыгая возле своего переломанного безжизненно-го тела и пытаясь отогнать от него проклятых байкеров, что кружились возле, как огромные черные стервятники. Но увы, все мои усилия были абсолютно напрасны! Ни Дилан, ни Доминик совершенно не замечали моих кулаков, барабанивших по их тупым ехидным рожам. Вдруг, откуда-то сверху сквозь меня пролетела сосновая шишка и угодила прямо в лоб одному из парней, затем еще одна – в висок его рыжему дружку. Я задрала голову: на старой высокий сосне сидела... та самая бесхвостая белка и метко «стреляла» по байкерам шишками. Самое время! Эти уроды уже принялись всерьез глумиться над моим беспомощным телом. В отчаянии, я обернулась к паре своих крылатых мальчишек – единственным в этом мире, кто мог меня видеть. – Да помогите мне с ними справиться! Он сейчас наступит мне на лицо!

– Просто забудь про свое тело, смертная! Ты потеряла эту оболочку навсегда! – ответил Люциморт без эмоций, словно говорил не о моем потерянном теле, а о выброшенном фантике от мороженого. – Его нужно было кормить и лелеять, пока ты была жива. Побольше есть, подольше спать, получше одевать. Теперь уже поздно. Жить нужно было здесь и сейчас, не жалея о вчерашнем и не откладывая все на будущее.

Прощайся с этим миром, сегодня ты видела свой последний закат! Вы, смертные, не дорожите ни одной минутой своей короткой жизни, пока та не станет завершающей!

Что-о-о?! Вот и все? Вот так все для меня закончится? Резко и неожиданно? У меня не будет ни диплома, ни престижной работы, ни капучино с кексом, ни закатов, ни расцветов, ни... да я даже Косте не успею съездить последний раз по его нахальной роже!

Я глотала сырой ночной воздух, открывая и закрывая рот, как рыба на суше, переводя ошарашенный взгляд с Демона на Купидона и обратно. Какие же они все-таки разные! Джонас – полный солнца и жизненной энергии, с искренними голубыми глазами, улыбчивый, загорелый и златовласый, в белоснежной греческой тоге с ослепительно-белыми крыльями за спиной. Мальчишка-купидон словно сам излучал тепло и свет, как то великое чувство, вестником которого он являлся! Второй же парнишка выглядел года на три-четыре постарше, он был уже настоящим подростком обладал аристократически бледным лицом с острыми скулами и пугающими черными глазами. Длинные нестриженные пряди темных волос, казалось, были чернее мыслей своего хозяина. Парень постоянно кутался в толстый плащ с глубоким капюшоном, который берег его не от холода, а, наоборот, от человеческого тепла и лучей солнца. За спиной Люциморта темнели большие перепончатые клылья, такие же черные и страшные, как и сам он.

Голубоглазый Купидон опустил свой золотой лук, беспомощно переводя взгляд с меня на мое же тело, что лежало на рельсах. Демон, наоборот, победоносно самодовольно усмехался, в его больших черных глазах вспыхнул недобрый красноватый огонек.

– Хватит мямлить, смертная! – недовольно хмыкнул он, небрежно дернув за тонкую серебристую нить, что тянулась к моему сердцу. И послушно, словно рыбка на крючке, я снова оказалась рядом с ним. – Не дергайся! Я открываю портал в Тартар.

– Это куда? – пробормотала я.

– Это прямо в ад, глупая!

– Но... а в рай никак нельзя уже, да?

– Рая нет, вы его придумали себе сами! – устало ответил Люциморт, разворачиваясь ко мне спиной и собираясь уходить в направлении, известном лишь ему. Привязанная тонкой серебристой цепочкой-поводком, я тут же бы последовала за ним, оказывая не больше сопротивление, чем воздушный шарик на веревочке.

Сейчас я очутилась прямо между Демоном и беспомощным Купидоном. На опустившего плечи и лук подавленного мальчугана было жалко смотреть. А еще говорят, что любовь сильнее всего в мире! Даже сильнее самой смерти! Тьфу! Ложь и провокация!

Знаете, когда больше всего хочется плакать или смеяться? Когда нельзя, конечно! А когда больше всего хочется жить?

Верно, когда уже все кончено! Люди оглядываются назад и понимают, что самой большой проблемой в их жизни стало то, что она уже закончилась.

Я не знаю, как, но так само получилось, что мои руки беспомощно потянулись к Купидону, я отчаянно пыталась за что-то ухватиться, чтобы остаться хоть чуть-чуть в этом мире живых... хоть на минуту подольше...

Машинально я схватилась за его тонкую золотую стрелу, сделанную из солнечного луча. Мои ладони тут же обожгло, словно раскаленным до бела, железом. Корчась от боли, я выбросила из рук проклятую стрелу в сторону Демона. Тот уже успел отвернуться и, весело насвистывая, сделал пару шагов вперед. И потому тонкая золотая стрела нечаянно угодила ему... прямо в спину... нет, немного ниже, четко в правую ягодицу. Короче, прямо в задницу! Блин! Да он же теперь прибьет меня!

Я испугалась так, что совершенно забыла о своих опаленных ладонях и о том, что уже как пятнадцать минут не бьется мое человеческое сердце! словно в замедленной съемке очень реалистичного фильма ужасов, Люциморт с диким ревом обернулся, держась обеими руками за стрелу... а нет, он не мог к ней прикасаться... он, так же, как и я, обжег свои ладони и схватился за задницу.

– Что же ты натворила, никчемная смертная?! – рычал мальчишка, словно раненый зверь, его бледное лицо было перекошено от боли и ужаса, паники и жуткого страха пе-

ред неизвестностью. Он не мог вытащить стрелу, и теперь она уничтожала его, сжигая изнутри, разрушая всю его сущность. Теперь он покинет оба мира навсегда, просто пропадет, исчезнет, растворится в воздухе, в человеческих страхах и ночных кошмарах, как тени исчезают в полдень. Теперь у Аида стало на одного сына меньше, он больше никогда не увидит своего любимого младшего.

– Мой отец... сожжет вас всех... уничтожит весь твой мир... всех смертных! – выкрикивал проклятия Люциморт, превращаясь в черный дым и рассеиваясь в ночном воздухе с новыми порывами ветра. – Будьте прокляты...

– Блин! Неудобно-то как вышло! – в истерике пробормотала я себе под нос, оборачиваясь к ошарашенному Купидону. – У него же была совсем не смертельная рана! Он бы просто вытащил стрелу из задницы и...

– Что же ты натворила, глупая! – перебил меня Купидон, захлебываясь от эмоций. Ну хотя бы реветь перестал – уже хорошо! Он смотрел на растворяющегося в ночи Демона, словно на отсчитывающий последние секунды таймер атомной бомбы. – Его отец Аид сотрет в порошок всю Землю!

– Да что я сделала то? – возмущенно оправдывалась я. Самыми последними в ночном сумраке растворились черные глаза Люциморта с красными огоньками ярости внутри. – Этот чертенок должен был влюбиться! По правилам, если стрела попадает...

– Одно дело – выстрелить в сердце, другое – в задницу! –

перебил меня Джонас, пытаясь объяснить, что сейчас действовали совершенно другие законы и правила. Физика и химия явно отдыхали!

– Это начало конца! Аид не успокоится, пока последняя душа не будет гореть в Тартаре!

– Заткнись и не каркай! – перебила я, с ужасом понимая, что сама тоже начинаю растворяться в воздухе, как утренний туман. Я уже могла видеть сквозь свои ладони блестящие рельсы и мокрый асфальт. Дилан и Доминик с воплями подбежали к своим мотоциклам, вскочили на них и с ревом унеслись в ночь. И очень вовремя. Со стороны убежавшего в даль трамвая к нам быстро приближались знакомые фигуры. Самсон и Диана широко шагали прямо к моему бездыханному телу.

– Почему я тоже растворяюсь? – быстро спросила я Купидона. – Что происходит?

– Твой проводник в мир душ уничтожен, и теперь ты возвращается обратно в свое тело, – объяснил крылатый мальчик, судорожно прижимая свой золотой лук к груди. – Мои стрелы убивают даже самых высших среди темных Демонов. Любовь сильнее самой смерти. Ты даже не понимаешь, что ты сейчас натворила. Эта стрела могла бы спасти тебя, а в результате разрушила целый смертный мир!

– Спасти меня? Как это? – недоумевала я, уже практически не видя своего призрачного образа. Я становилась все прозрачнее и прозрачнее, словно превращаясь в воздух.

– Если бы я только выстрелил в твое глупое гордое сердце, и ты бы полюбила того самого парня, которого так ненавидишь, – на одном дыхании протараторил Купидон, словно он прокручивал эту строчку в своей голове уже сотни раз, – то...

– Ой ну все! У нас же был уговор – ты не стреляешь в мое сердце и отгоняешь от меня себе подобных! Забыл? – перебила я, хоть грубо и на повышенных тонах, но вышло совсем не громко. Видимо, мой голос тоже куда-то пропадал вместе с телом, становясь все тише и тише. – Я никогда не влюблюсь и не потеряю голову вместе со своим будущим из-за всяких идиотов вроде Константина Блэкстоуна! Да я лучше отправлюсь в Тартар, чем буду с таким козлом, как он! Ясно?! А ты уходи прочь с моих глаз! И не показывайся никогда! Иначе я и тебе стрелу всажу в одно место!

Растерянный и напуганный мальчишка, хлопая своими длинными ресницами, хотел было что-то возразить, то было уже поздно – я растворилась в воздухе, а, значит, вернулась в свое тело.

– Слепая Горгулья! А она тяжелая, – прокряхтел Самсон, взваливая меня на свое богатырское правое плечо задницей кверху, – совсем не похоже на мертвую!

Глава 3. На помойке

Очнулась я от того, что кто-то интенсивно щекотал мой нос и щеки тонкими мягкими прутиками, словно ворсинками от старого в конец огрубевшего и облысевшего туалетного ершика. А когда нечто холодное и мокрое грубо ткнулось в мой лоб, то я не смогла сдержаться и с воплем широко распахнула глаза, тут же встретившись нос к носу с усатой нагловатой мордашкой.

– Уф, я думал, ты дохлая! – удивленно проворчал какой-то неизвестный науке зверек. Его узкая морда с черным носом, светящимися лисьими глазами и широкими треугольными ушами чем-то напоминала потрепанного жизнью дворового пса. Дело в том, что уши были изрядно оборваны, а через левый глаз пробежал глубокий шрам, из-за чего тот стал красновато-желтым, тогда как правый здоровый оставался изумрудно-зеленым. – Смотрю, вроде не воняешь особо... Ой, не замахивайся на меня! Я все отдам!

– Ты еще что такое? – пробормотала я, хватаясь обеими руками за голову, внутри которой словно разорвалась граната, в глазах сверкали звезды далеких галактик, – проклятье... моя башка... сейчас взорвется!

Зверек испуганно прижал потрепанные уши к вискам и втянул свою пушистую белую голову в худенькое тельце. Еще одно мое резкое движение – и животное с визгом спряталось

за квадратной разноцветной картонной коробкой от пиццы. Это была необычайно огромная «Маргарита с пеперони». Очень вкусно, чрезвычайно калорийно и, конечно же, безумно дорого!

– Да не бойся ты! Не съем! – успокоила я, рассматривая свое отражение в его разноцветных глазах, смотрящих сквозь технические отверстия на коробке. – Ты кто такой вообще? Какая порода?

Зверек напоминал нечто среднее между крупной сварливой кошкой, изрядно потрепанной дворовой жизнью и маленькой озлобленной собачкой, которая кусалась чаще, чем виляла хвостом.

– Не подходи-и-и! Чаф-чаф-хрусть! Я не знаю, где твоя треклятая мантия-я-а! Чмак-жмак! – завопил белый котопес, при этом, кажется, уплетая за обе щеки остатки пиццы. Он все еще прятался за разноцветной коробкой, как за щитом, из-за которого постоянно высывались то потасканное треугольное ухо, то белая когтистая лапка. – Я понятия не имею, кто натравил на тебя легионеров! Уж точно не я! Все это время я был занят... мой хозяин..., – тут зверек расчувствовался и, горько всхлипывая, заскулил. – Вспоминать тошно... Слепая горгулья! После стольких лет моей безупречной службы, он едва не пустил меня на корм троллям! Какой позор! Срам! Тьфу!

Зверек смачно выплюнул косточку от оливки, практически профессионально спланировав ее траекторию, будто пу-

стил пулю из пистолета. Она просвистела в миллиметре от кончика моего правого уха. Я решила не вдаваться в подробности жизненных неудач странного жалковатого вида создания, которое, очевидно, получило нехилую трепку от своего жестокого хозяина. Это этот живодер оборвал ему уши, оторвал хвост и практически лишил правого глаза.

– Как ты сказал, тебя зовут? – поставила я свой вопрос по-другому. – Кошка? Собака? Или... крыса какая породистая?

– Сама ты крыса породистая! – оскорбился зверек, каждый тонкий волосок его белой шерсти встал дыбом, как у оскорбленного дворового кота. Он принялся внимательно меня осматривать, не мигая своими разноцветными глазами. – Ты чего, совсем ничего не помнишь, что ли? Сдурела или притворяешься? Я же Дори! Потомственный тролль-лакей в двенадцатом поколении! Между прочим, вот уже несколько тысячелетий мой род служит одной из самых влиятельных и могущественных семей Светлых Магов...

– Светлых... кому? – переспросила я, хмурясь. Не важно насколько сильно я ударилась сегодня головой – этого было не достаточно, чтобы поверить в магию. – Ты говорящий... кто? Дурик?

– Да уже неважно! – отмахнулся обеими лапами Дори, по его узкой морде из разноцветных блестящих глаз текли огромные слезы. – Я навсегда изгнан с позором в мир смертных! Этот драконий ошейник... будь он проклят... никогда не позволит мне превратиться обратно в тролля или челове-

ка... никогда! Слышишь, бесхвостая?!

Я нахмурилась и закивала, пытаюсь представить этого маленького зверька в образе тролля. Это такой большой и зеленый, как Шрек, да? Только поменьше, наверное. Ну, окей! Казалось, меня ничем было больше удивить, как Дори резко перевернулся на живот, ошетинился всем тельцем и отчаянно прорычал:

– И во всем этом виновата только ты одна!

– Че?

В ответ у меня чуть не отвалилась челюсть – то ли от неожиданности, то ли от его кипящей ненависти. Да, блин, за что опять?!

Дори смотрел на меня, не мигая и не отводя глаз, словно хищник на жертву. Он даже слегка сморщил свою узкую морду и пошевелил длинными усами, принимаясь, будто бы так ему легче было определить вру я или же говорю правду.

– Я бы снова отдал свой хвост на отсечение, лишь бы узнать, – начал он хриплым заговорческим шепотом, – где ты взяла кристалл Ледяного Джека? А светлую мантию мага? Как ты, не обладающая особым умом и талантами, обычная смертная смогла пробраться в наш мир Зазеркалья?

В ответ я просто хлопала глазами и качала головой:

– Эм... что? К...куда?

– Так ты что правда дура или притворяешься? – сканировал меня своими разноцветными, огромными, словно блюд-

ца, глазами Дори.

– Правда... не притворяюсь... – пробормотала я.

– Значит, ты действительно ничего не помнишь, да? Что это именно я выманил у тебя магические артефакты и забрал с собой? Ты помнишь зеркало-портал? Больницу? Как... совсем ничего? Так сильно звездарезнулась головой, что из ушей вылетели последние мозги? – допытывался зверек. – А ну-ка положи правую лапу себе на сердце и поклянись хвостом, что не врешь!

– Да иди ты! – оскорбилась я. Однако, правую руку все-таки положила себе на грудь с левой стороны и тихо повторила. – Да, блин, не помню я ничего! Честно! Если бы мы раньше встречались, то я запомнила бы твои разноцветные фары!

Но недотроль пропустил мой сарказм мимо своих огромных острых ушей. Он подскочил ко мне так близко, что практически уперся своим черным носом в мою правую щеку, а маленькой худенькой лапкой зверек проворно откинул в сторону длинную челку с моего лба. И тут же белоснежная пушистая шерсть на ее конце приобрела ярко-алый оттенок – моя челка, словно мокрая мочалка, была насквозь пропитана кровью.

– Слепая горгулья! Так у тебя не только мозги через уши вылетели... – в ужасе заверещал Дори, обнюхивая красные пятна на подушечках своей лапы. – ...но и душа! погоди! О, разрази меня троль, так ты действительно... ты должна бы-

ла перешагнуть последнюю черту... но в итоге вернулась в свое тело! Так за тобой реально пришел проводник из мира теней! Это же иней на твоих волосах, и вот почему твои щеки такие красные – с мороза. Брр... всегда, когда они приходят за душами, наступает собачий холод! А на футболке... так это твоя кровь, а не кетчуп! А эти двое тебя сюда вышвырнули, подумав, что ты лапы откинула! Ну того!

Я нахмурилась и прищурилась:

– В смысле... я лапы?! Откуда ты меня вообще знаешь? Мы знакомы?

– Эмм... нет... так просто, мысли вслух! Пустые догадки! Не обращай внимания, – отмахнулся Дори, он явно что-то скрывал, а еще больше – не договаривал. Но мне сейчас было совершенно не до моего прошлого, актуальней было как можно быстрее разобраться с настоящим. Где это я сейчас и почему?

– Ты же ведь сейчас врешь, верно? Раз ты меня помнишь, то мы с тобой уже где-то встречались! – продолжала напирать я, ворочаясь на ворохе разноцветной одежды – вполне чистой и новой, настолько я могла разглядеть ее в тусклом свете ночных фонарей. Ею до краев был набит огромный пластиковый контейнер, в котором сейчас я и барахталась. – Но где? Я ничего не понимаю! Что происходит?

– А чего тут понимать-то? Дуреха, она и на свалке дуреха! – усмехнулся зверек, закатывая свои разноцветные глаза к ночному звездному небу. – Конечно, дуреха и еще ка-

кая! Будь ты поумнее, ты бы проснулась под мышкой у какого-нибудь славного парня, а не на помойке! А тебя мало того, что выбросили, так еще и не в тот ящик. Видимо, ты совсем не годишься для переработки!

– Что-о? Где мы? В какой такой помойке? – спросила я, пытаюсь понять на чьих это вещах я развалилась. По обе стороны от нас стояли огромные разноцветные контейнеры, переполненные всякой всячиной, а именно – металлом, пластиком, деревом, стеклом, бумагой и, видимо, пищевыми отходами, – тот самый, наверху которого среди разноцветных коробок еды на вынос из местного ресторана копошился сам Дори. С каждой минутой этот милый на первый взгляд зверек смелел все больше и больше, пользуясь тем, что я совсем ничего не помню. В итоге эта наглая морда просто-напросто стала мне хамить!

– А что не видно, что ли? – ехидно переспросил Дори, небрежно откидывая в сторону пластиковую упаковку от суши. Он сидел на куче почти не тронутых упаковок в соседнем контейнере красного цвета с надписью «Для пищевых отходов», на углах которого стояли огромные коробки с пищей, слегка помятыми пирожными, кое-где покусанными фруктами и горой полувыпитых разноцветных бумажных стаканчиков.

– Неа, не видно... – пробормотала я, доставая из-под своего правого бока модно-затертую штанину дизайнерских джинсов.

Котопес закатил свои разноцветные глаза и задрал вверх узкую морду.

Он молча раскрыл зубами огромную упаковку чипсов со вкусом краба и с хрустом продолжил, словно говорил с кем-то очень маленьким и глупым:

– Обернись вокруг? Что ты видишь, дорогуша? Правильно, остатки роскоши. Поздравляю, тебя выбросили! Это – главная свалка элитного корпуса местной академии...

– Что-о-о? Мы сейчас реально в помойке? – вскрикнула я, резко вскакивая, и практически уже была готова вывалиться из своего контейнера вместе с дорогим шмотьем, но зверек буквально запрыгнул мне на грудь, чем меня остановил. Еще чуть-чуть и я бы выдала нас своими резкими движениями. Неужели, мы тут не одни? Ну, конечно, нет! Наверное, те двое, что меня сюда притащили еще не успели далеко уйти.

Всего за полторы секунды я успела увидеть пару удаляющихся фигур и даже разглядеть ярко-рыжие волосы стройной девушки и странноватую длинную с одной стороны и короткую с другой прическу коренастого юноши с широкой спиной. – Что значит меня выбросили?! Кто?

– Да вон те двое подошли и вышвырнули сюда, – пробормотал зверек своим ворчливо-недовольным тоном. – Кстати, не в тот ящик положили! Тут должны быть старые кафтаны и портки, а тебя нужно было бросить во-о-он туда!

С этими словами он оказал когтистой белой лапой на самый дальний пластиковый контейнер с огромной надписью,

которую я смогла без труда прочитать даже в темноте «Органический биомусор».

– Ну спасибо, блин, – проворчала я, приподнимаясь на локтях и скидывая с себя своего пушистого оскорбителя. – Сам туда полезай, биомусор! Как меня могли выбросить? За что?!

– А я почему знаю? Наверное, ты плохо себя вела, – фыркнул зверек, ставя свои треугольные уши торчком и принюхиваясь, – кусалась, гадила в покоях хозяина... хахалей на ночь водила...

– Кого? Чего-о? – вскрикнула я, буквально задыхаясь от возмущения. Дальше я резко и остроумно перебила его оскорбительную речь – так в жизни меня еще никто не унижал. – Тебя же тоже сюда выбросили между прочим! За что? Обоссал все тапки?

Дори молча прижал уши, опустил хвост и жалобно еле слышно заскулил:

– Мой хозяин дал мне важное поручение, которое я не выполнил... я все провалил... все испортил... теперь я наказан. Хозяин осерчал и вышвырнул меня в ваш мерзкий смертный мир... Аф-уф! Проклятье! – завопил зверек, переворачиваясь на спину и всеми четырьмя лапками отчаянно пытаюсь снять свой странный темно-зеленый ошейник, состоящий из острых тонких чешуек, словно хорошо сплюснутых шипов. – Драконья кожа... гребаная... не снять никак! Даже золото лепреконов из нее исчезнуть не может! Проклятье!

– Это от блох, да? – нахмурилась я, рассматривая в свете фонарей блеск и яркие радужные переливы его крепкого ошейника. Видя, как зверек беспомощно катается на спине, извиваясь всем тельцем и безуспешно пытаясь снять свою удавку, я невольно наклонилась, чтобы ему помочь. – Не дергайся, сейчас я...

Конец моего предложения растворился в диком визге. Оказывается, при каждой попытке его снять, ошейник становился все уже и сильнее перехватывал горло несчастному зверьку. Такую кошмарную пытку мог придумать только настоящий живодер. И куда только смотрят наши общества по защите животных?

После того, как мы с Дори убрали лапы и руки от ошейника, тот смилостивился и немного ослабил свою хватку. Несчастный зверек шумно часто-часто дышал, словно загнанная гончая, выпучив свои разноцветные глаза и высунув длинный ярко-розовый язык.

– Но откуда здесь столько еды? – решила перевести тему я, открывая очередную коробку с нетронутой и, кажется, еще горячей пищей. Я принялась – пахло очень аппетитно, да и дата изготовления стояла сегодняшняя... всего лишь пару часов назад. Я порылась в разноцветных бумажных пакетах – свежие нетронутые гамбургеры, картошка фри, соусы, суши, печенье, пирожные. – Да тут все целое и свежее, словно с кухни! И почему все это выбросили?

– Пофомуфто! Тьфу! – проворчал Дори, пытаясь одной

частью языка зализать другую, недавно прикушенную, но, к счастью, вовремя бросил эту пустую и бесполезную затею. — Сегодня в элитном корпусе академии опять вечеринка, у богатых студентов снова танцы и развлечения. А куда еще тратить время беспечной горячей юности? Но вот только в этот вечер на вечеринку не пришел ее король, тот самый главный и важный парень, которого все уважают и боятся! Его все очень ждали! Но никто не дождался, многие просто развернулись и ушли с такой скучной вечеринки, а целые горы заказной еды остались никому ненужными. И потому их просто-напросто выбросили сюда, даже не открывая и не пробуя.

— Ох ничего себе! — удивленно захлопала я ресницами, оглядывая горы дорогой и вкусной еды, которую вот так вот просто взяли и вышвырнули. — Должно быть этот самый главный парень был самым толстым, раз уж без него не смогли столько съесть. Интересно, и как он все это мог один сожрать?!

— Да он не один! — быстро ответил Дори, достав откуда-то подтаявшее мороженое. — У короля... ням-ням... всегда есть большая свита!

С понимающим глубоким вздохом я принялась осматривать вещи, что валялась подо мной. Вслед за потертыми джинсами я достала красивое дорогое платье, шелковое, черное облегающее, с откровенным декольте. Надо признаться, что швы на его тонкой талии слегка разошлись, а позолоченная застежка-брошка была нехило погнута. Я по-

смотрела на Дори удивленным взглядом.

– Видно же, что в платье не влезла какая-то толстушка-клуша, – принялся объяснять зверек, – бока порвала своими жирами, застежку так и не смогла закрыть на толстой заднице. И выкинула с горя такую срамную одежду сюда. Дура!

Я отбросила платье в сторону, с тихим шелестом из его складок вылетел маленький, не больше раскрытой ладони потрепанный клочок бумаги. На нем с идеальной фотографической точностью был нарисован портрет весьма привлекательного юноши: большие темно-зеленые глаза, обрамленные густыми ресницами, острые скулы, волнистая темно-каштановая челка с рыжеватым оттенком на бок.

– О, это кто такой? – невольно спросила я, рассматривая симпатичного парня с насмешливым, слегка жестким взглядом и кривой легкой улыбкой, от которой на левой щеке появилась небольшая ямочка.

– Аа-а, вспомнишь..., и вот и оно! – пробормотал Дори, наклоняясь над портретом так низко, что его темные жесткие усы защекотали загорелые щеки парня. Зверек зачем-то принялся обнюхивать картинку. – Это он самый... Константин Блэкстоун. Тот маленький король, вокруг которого и вертится ваш смертный мир. Все парни ему завидуют, все девчонки влюблены в него по уши. Это он сегодня пожелал не явиться на вечеринку, и потому множество гостей разошлись, а еду пришлось выбросить еще теплой!

– Но почему листок подпален с одной стороны? А вот тут он испачкан в чем-то скользком и липком, – я принялась усиленно стирать с края бумаги желто-серые жирные пятна. – Это что, сырный соус?

– Сама ты соус! Это – воск от свечи! – объяснил Дори, завершая обнюхивание портрета громким фырканием. – У тебя, бесхвостая совсем нет ни нюха, ни зрения! Чувешь, как пахнет женскими духами? А еще слезами и истериками? Какая-то девица при свечах отчаянно пыталась приворожить этого парня. Но ничего не вышло. Так бывает, если сердце уже занято.

Мои брови невольно поползли вверх:

– Что? Ворожить при свечах? Тратить время и силы на такую тупость? Парень, хоть и симпатичный, но судя по его жесткому взгляду и кривой ухмылке любит лишь только самого себя!

– Именно такие парни и нравятся смертным девушкам, – подытожил Дори, с интересом разглядывая мое спокойное лицо без эмоций. – Ты что, реально ничего не помнишь? Забыла, как он испортил тебе жизнь? Между прочим, это из-за него тебя сюда выбросили!

– Из-за него?! – переспросила я, пытаясь хоть что-то вспомнить, но мои виски лишь пронзила отчаянная боль. – Ай...ох!

– Ты что совсем ничего не помнишь? – в сотый раз повторил Дори. – И никого не узнаешь? От удара потеряла всю

память, и мозги из ушей выскочили! А нет, не выскочили... их просто не было!

– Откуда ты про меня столько всего знаешь? – с удивленным раздражением спросила я. – Мы разве раньше дружили?

– К счастью, нет! Да тебя здесь все знают! Ты – местная знаменитость! Та девчонка, которую Коста решил проучить, и отнял у нее все! Тебе больше некуда идти. По милости Косты тебя отчислили из академии, выселили из общежития и теперь вот, как видишь, вышвырнули на помойку! Твоя короткая жизнь не удалась, без диплома ты как тролль без хвоста...

По моим широко открытым от ужаса глазам Дори понял, что уже и так поведал мне слишком много и решил сменить тему.

– В общем, мы не друзья! С чего бы нам с тобой дружить? Какая вообще от тебя может быть польза? – подытожил он, затем задумчиво оглядел меня с головы до ног. – Но тебе сегодня сказочно повезло, раз тебя выбросили на одну свалку со мной. Пригодишься! Мне как раз нужен смертный для хождения на базар за съестным и для убирания моих туалетов.

– Ну спасибо! – пробормотала я своим лучшим саркастическим тоном, уперла руки в бока и в усмешке слегка запрокинула назад голову. – А мне-то зачем нужна бесхвостая карманная болонка с разными глазами и скверным хамоватым характером, а?!

– Ты кого это шавкой обозвала, чучундра? – зарычал Дори, вся его белая пушистая шерсть встала дыбом от негодования. Но, вдруг, он резко выпрямился, огромные треугольные уши встали торчком на затылке, разноцветные глаза прищурились, внимательно глядяваясь куда-то вдаль – туда, куда убегали трамвайные пути, освещаемые желтыми мерцающими фонарями. Зверек проворно выпрыгнул из своего контейнера на асфальт и прошипел, оборачиваясь в мою сторону. – Т-ш-ш-ш! Потихе! Слышишь мотор, глухомань? Сюда кто-то едет на железном коне. Вылезай из ящика с тряпьем! Живее! Ох... аккуратнее, корова! Ящик перевернешь! Быстрее, прячься! Да не туда... за другой ящик! Лучше, лучше прячься! Пердильник видно... тьфу толстая!

Как только я надежно укрылась за синим контейнером с макулатурой, Дори выскочил на трамвайные пути и растянул поперек дороги что-то очень тонкое, но блестящее, словно нить из чистого золота. Ловкость лап и никакого мошенничества! Едва он вернулся обратно на свалку, как вдалеке аллеи из-за поворота вынырнул яркий свет мощной фары мотоцикла. Он стремительно приближался к нам. Кажется, какой-то парень решил прокатиться этой дождливой ночью на своем байке.

– Три... два... абра-кадабра... трах-тибидох! – громко и возбужденно прошептал Дори, после чего громкое «Бабах!» не заставило себя ждать.

Новенький спортивный мотоцикл, который несся на впол-

не приличной скорости, вдруг, резко затормозил прямо перед свалкой и остался валяться на узкой асфальтовой дорожке, словно намертво приклеенный. Это он резко столкнулся с тонкой блестящей леской, что ловкий Дори натянул поперек трамвайных путей, крепко закрепив концы на шайбах у рельсов. Мотоцикл, беспомощно взвизгнув, повалился на бок и продолжил отчаянно вращать колесами, словно большой черный жук нервно дергал лапами в воздухе.

Сила инерции была огромна! Одетый во все черное мотоциклист вылетел из седла и, словно легкая гуттаперчевая кукла, кубарем полетел прямо в контейнер с... пищевыми отходами. На его счастье там все продукты были хорошо упакованы в фирменные бумажные пакеты, прочные и красивые, в каких обычно доставляется фастфуд и суши. Так что парень просто-напросто с громким хрустом застрял в помойном контейнере головой вниз, как ростовая кукла из серии Барби Кен в открытой коробке из-под обуви. Благо, на его голове сейчас был надет прочный современный шлем. Причем на поверхности осталась торчать его задница в черных облегающих джинсах и огромной темной рогаткой его стройные ноги в белых кроссовках, настолько чистых и ярких, что, казалось, они светились в ночи.

– Да он же убится насмерть! – прокричала я, бросаясь к застрявшему и хватая его за правую ногу, что слегка нервно подергивалась. Я ухватила за толстую штанину его черных дорогих джинсов и потянула вверх... едва не стянув с него

штаны. – Ой... я же просто вытащить его хотела!

– Кыш, бесстыдница! – ударил меня по рукам своими лапами Дори. – А-ну не тронь его!

– Но ему нужна помощь! Вдруг, он задохнется или уже себе шею сломал! – не унималась я, но с облегчением вспомнила. – Так на нем вроде бы был хороший шлем... да, точно, черный!

Почему мне в тот момент совершенно не пришло в голову, что это мог быть один из той пары байкеров, что меня сбили насмерть? Да потому, что я напрочь все забыла – и Косту, и байкеров, и Люксеморта...

– Да замолчи ты! Тс-ш-ш-ш!– шикнул на меня Дори, обе его белых лапки молниеносно мелькнули в задние карманы джинсов несчастного мотоциклиста и вытащили оттуда кучу разноцветных пластиковых карточек. Каждая следующая выглядела красивее и солидней предыдущей. Он принялся разглядывать их в свете ночного фонаря, скребя по ним коготочками, словно проверяя на прочность. – Так... эта – от банка с его золотишком, эта – скидки на шмотки..., эта – от безлимитной харчевни... о, вот нашел! Ключ от хаты, тут есть даже его морда. Не перепутаем! Эту берем!

С этими словами он вытащил крепкую пластиковую карточку, на которой в свете ночных фонарей я разглядела знакомое лицо зеленоглазого красавца с каштановыми прядями. Несмотря на то, что это было строгое официальное фото, дерзкий красавчик умудрился запечатлеть свою фирменную

надменную ухмылку с ямочкой на щеке.

Прямо под фото блестела индивидуальная гравировка – позолоченные буквы «Константин Блэкстоун». Дори осторожно подсунул карточку под свой ошейник из драконьей кожи, а остальные быстро запихнул обратно в задний карман облегающих джинсов парня. Их хозяин, все еще находясь головой в контейнере, тихо застонал.

– Теперь-то мы его вытащим, да? – робко спросила я шепотом, потянув за его правую штанину – джинсы снова поползли вверх, показав всем присутствующим его серые боксеры, обтягивающие крепкие ягодицы. – Он вообще жив?

– Живее всех живых! Руки фу! – ударил по моим пальцам Дори и, словно желая доказать мне «живость» нашего пленника, застрявшего в помойке головой, размахнулся и со словами «Вот! Ха-йя!» смачно шлепнул парня по упругой заднице. Тот громко ойкнул, выругался приглушенным из-за шлема голосом и задрыгал задранными вверх ногами так интенсивно, что с одной из них слетел белый кроссовок.

– Видишь, какой он резвый? Как жеребец! – беззаботно подытожил Дори. – Ну чего ты так уставилась-то? Парня не видела живого что ль? Пошли отсюда! Пока он не вылез и не запихнул тебя в помойку вместо себя!

Я с шумом проглотила ком, вставший поперек горла, и с покорным вздохом развернулась уходить куда глаза глядят прямо по шпалам.

– Ты далеко это направилась, а? – резко остановил меня

Дори. В следующее мгновение я почувствовала все четыре его мягкие лапки на своем плече. Он туда он запрыгнул без спроса и бесцеремонно произнес. – А меня на руки взять и понести? Забыла? Ай-о-ох-ой!

Но было уже поздно. Я изловчилась и схватила наглого пушистого сначала за бесхвостую задницу, а затем за шкуру и наконец-то сняла с плеча. Всей моей шее сразу стало легче.

– Какое неуважение! Немедленно верни меня обратно! – заскулил Дори.

Но я не обращала никакого внимания – я ему покажу, кто из нас главный и что значит «мозги из ушей вытряхнуло».

– Не пищи на меня!

В другой же руке я сжимала маленький бумажный клочок с портретом Косты. Судьба могла бы распорядиться по-другому, но я от чего-то не выбросила этот мятый рисунок, весь перепачканный в воске, губной помаде и девичьих слезах. Своих врагов надо знать в лицо!

Глава 4. Ноль эмоций

Кто-нибудь скажет мне, где находится та тонкая грань между «нравится» и «влюбился»? Сколько раз нужно подумывать о человеке, чтобы точно осознать, что влюблен? Вот вспомнил один раз ее улыбку и глаза, и хочется еще раз и еще... Интересно, как часто я стал думать о ней или точнее... когда я перестал о ней не думать?

Без нее все в этом мире стало ненужным, тусклым и блеклым, потеряло цвет, вкус, смысл... Приглушенный свет, приглушенная музыка, приглушенные голоса, приглушенный я... Какой сегодня день? Который сейчас час? Где же я опять потерялся без нее?

Я сидел на мягком кожаном диване, развалившись, запрокинув голову назад и закрыв глаза – не хочу никого видеть и слышать. Уходите все... побыстрее, подальше и подольше...

Мы все думаем, что и внезапная безумная влюбленность, как белая горячка, – это то, что может случиться только в книгах или фильмах, или с кем-нибудь другим, но только не со мной. Что меня защитит моя самоуверенность, словно броня. Никогда прежде я так не ошибался в жизни!

Я резко открыл глаза, пытаюсь вспомнить, где же я все-таки сейчас. На лекции в академии? В своем номере? И что вообще вокруг происходит? А... музыка и аромат кофе. Я все еще сижу в ресторане на первом этаже нашего корпуса

элитной общаги для обеспеченных студентов. Тут есть все – рестораны, тренажерный зал, бассейн, сад, клуб, бары, кафе, библиотеки и даже спа-салон. Словно самый дорогой отель на роскошном побережье. Даже в раю не так комфортно, как здесь. Однако, мой рай навсегда утерян, растоптан, разбит, сожжен и все больше и чаще напоминает персональный ад... Как такое могло случиться? Тем более со мной, с самим Константином Блэкстоуном? Да все девчонки ко мне липнут, как жвачки на кроссовки – без спроса и надолго! Да они толпами за мной ходят! Да они теряют дар речи, покой и честь при встрече со мной! А эта грубая пацанка – ноль эмоций! Да откуда она вообще взялась такая? Я бы в жизни не взглянул на нее дважды, прошел мимо и не заметил. Увидел, зажмурился и отвернулся. Терпеть не могу ее косую выгоревшую на солнце челку, хотя теперь наизусть запомнил каждую прядь. Острые загорелые скулы, которых ни разу не касался ни тоник, ни тональник, ни пудра. Не могу вспомнить, когда я последний раз видел какую-нибудь девчонку без косметики? Ха, да эта пацанка вообще о ней никогда не слышала! А губы? Покусанные, обветренные, не целованные никем... Спорю на свой айфон, что с них ни разу не срывалось ласковых слов любви и нежности... Или она все-таки кому-то их произносила? А целовала ли? Ну уж нет! Черт возьми, точно нет! Она же ненавидит парней! Всех или же только меня? Проклятье! Если с ее крепкими кулаками и острым языком я все-таки справлюсь, то вот глаза... эти яркие, жгучие, слов-

но лазеры, голубые звезды теперь преследуют меня вечно. Где бы я не был, что бы не делал. Едва я закрываю глаза, то она открывает свои... Земля уходит из-под ног, из рук все валится, мысли путаются, язык заплетается. Я сломан, как заводная фигурка, ключик от которой навсегда потерян.

– Коста, Коста, как такое случилось? – спрашивал я сам себя в сотый раз и сам же отвечал. – Просто нам всегда нравятся те, кому мы не нравимся! Влюбляемся в тех, в кого нельзя. Зачем мы вообще с ней встретились? Я испортил ей жизнь, а она разбила мне сердце. Проклятье!

– Коста? Что с тобой? – слышу я осторожный, почти испуганный девичий голос. Я резко вздрагиваю и усаживаюсь ровнее на диванчике, вытянувшись по струнке, возвращаясь в реальность моей никчемной жизни. Нет, увы, рядом снова не она! Передо мной за столиком сидит какая-то другая девчонка. Разочарованно вздохнув, я снова закрываю глаза. Между моих сухих губ зажата очередная сигарета, которую я никогда не подожгу. Потому что она мне не поможет. Вся моя жизнь – фальшивка, все в моем образе – игра. Но теперь и судьба решила сыграть со мной шутку – у нее нет ни правил, ни победителей. Передо мной сидит совершенно другая девушка, ничуть не похожая на мои сны.

Длинные рыжие локоны красиво уложены на ее стройных плечах – кажется, она долго готовилась ко встрече со мной, губы накрашены яркой помадой – видимо, она на что-то надеется. Глаза подведены тушью, стрелки профессионально

разбежались в стороны. Неплохо, очень неплохо, но увя и ах... сегодня их сотрут ее же слезы.

— Коста? О чем это ты думаешь? Почему ты так на меня смотришь? — спрашивает девушка и, замечтавшись, начинает кокетничать. — Нравлюсь?

«Ага, если бы! — едва не вымолвил я, закатывая глаза. А сам тайно продолжал молить. — Ну давай уже включай свои чары, рыжая! Почему я больше не тону в омуте твоих зеленых глаз? Почему я не уйду на дно с головой в это колдовское болото, а всплываю, как... сами знаете что?!»

Вот так, девчонка, не ругайся, когда твой парень смотрит на другую — он все равно мысленно сравнивает ее с тобой. Может быть, и хочет найти что-то, чего нет у тебя, но в итоге лишь понимает, сколько всего не хватает у той, с которой он тебя пытается сравнить.

Так вот и сейчас я сидел перед красивой рыжей девушкой, простодушной и влюбленной, наивно попавшейся в мои сети, которые я небрежно поставил, но не для нее. Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей... Ее хорошенькое личико слегка зарумянилось от смущения. Чем меньше я пытался ей понравиться, тем больше нравился. А в своей хорошенькой рыжей головке она уже, должно быть, представила, как я надеваю ей кольцо на палец, наш уютный домик и троих детей. Что ж, если девушка влюблена в парня, то, что бы он не делал, он будет нравиться ей еще сильнее. Любой недостаток будет встречен с обожанием. С дру-

гой стороны же, нелюбимый парень всегда останется козлом и бабником, как бы сильно он не покатывал и сколько бы роз не дарил. Такова уж загадочная женская природа. И все это время я безнаказанно этим пользовался, меняя подружек, как перчатки. Почему? Да просто потому, что я мог себе это позволить, а другие – нет.

Почему со мной это произошло? Я не должен был влюбиться! Это – мое кредо, самое главное правило – не терять покой, всегда оставаться с холодной головой. Полный самоконтроль, холодность, дерзость и точный расчет. Но нет же!

Почему же так больно от этой неизвестности и пустоты?

Пусть боль физическая заглушит душевную, если внутри я истекаю кровью, значит, должен и снаружи. Я посмотрел на разбитые вдребезги костяшки своей правой руки и сжал кулак так крепко, как только смог. Ауч, больно! Мои свежие, но уже успевшие затянуться раны, снова закровоточили, и на белую скатерть свежие алые капли вместе с недавними воспоминаниями.

Перед глазами поплыли образы из цветного тумана... Вот я пробираюсь сквозь разгоряченные тела танцующих на танцполе, краем уха ловлю небрежно брошенное «...страшная... ну которую ненавидит Коста...», я резко замираю, будто вкопанный, и ловлю отрывок её имени, выплюнутый словно ругательство. При звуке её имени, пусть даже неполном, внутри меня проскакивает молния, заканчиваясь в висках раскатистым громом. Я резко разворачиваюсь в направ-

лении говорящих. Два хорошо знакомых мне парня с ног до головы одетые в темные кожаные костюмы байкеров. Это мои давние кореша – Доминик и Дилан. Они стояли в центре обступившей их толпы и что-то громко обсуждали, обильно жестикулируя и ехидно смеясь. Какие-то новые и очень интересные сплетни, и потому их быстро все плотнее окружала толпа зевак.

– Это я! Я ее сбил, парни! – хвалился белобрысый Доминик, – она стояла к трамваю рожей, к лесу – жопой, и я прямо туда и... шарах!

– Ага! Она метра три пролетела! – вторил ему рыжий Доминик, – а еще потом жопой об рельсы хрясь... О, Коста! Вот ты где!

– Иди к нам!

Кровь в моих жилах закипела, я сжал кулаки до такой степени, что ногти впились до боли в мои ладони. Не видя ничего перед собой от ярости, застилающей глаза белой пеленой, я грубо распахивал собравшихся зевак – студентов с нашего элитного факультета. Разодетые пафосные придурки, ненавижу вас всех!

– Вот, смотри! Это я почти селфи с ней сделал! – достал дорогой телефон Доминик, сканируя прищуренным взглядом толпу, словно пытаюсь кого-то найти. – Эй, парни, а Тэдди никто не видел? Такого пухленького косоглазого кабанчика... Блин, а жаль! Он бы заценил фотку...

– Коста, здорово! – протянул мне свою раскрытую ладонь

Дилан, широко и услужливо улыбаясь, словно ждал от меня не рукопожатия, а подачки. Я его грубо проигнорировал, едва не сплюнув в его жалкую протянутую ручонку.

Доминик, видя полное фиаско Дилана, решил отказаться от рукопожатия со мной и вместо своей руки протянул мне телефон, на экране которого были отчетливо видны трамвайные пути, поперек которых лежала худенькая фигурка в темных джинсах и футболке. Я, конечно же, без труда узнал эти темные непослушные пряди и острые скулы, жаль, что голубые, как небесная гладь, глаза сейчас были закрыты...

– Костян, вечер добрый! Вот смотри! Это та уродка... ну которую ты хотел проучить. В общем, теперь ее точно не будет в академии! – самодовольно заявил Доминик, тыкая в экран и зачем-то увеличивая фотографию, именно в том месте, где сейчас было ее бледное, словно фарфоровое, неподвижное лицо, перекошенное болью. – Никогда! Круто, да?

Мои стиснутые до боли зубы захрустели, сжатые кулаки затряслись от немой ярости, перед глазами поплыла теперь уже не белая, а кроваво-красная пелена.

– Там еще была белка...швырялась в нас шишками, бесхвостая дура! – это были последние слова Доминика, когда его личико еще было милым, а нос – целым. – Я ее потом сбил шишкой с сосны. Прикинь? О...ай!

Хрясь! Мой правый кулак со всего размаху угодил прямо в середину загорелого холеного лица парня, круша его нос в кровавую отбивную. Но мне было этого мало, ох как мало...

«За уродку!» Хрясь!

«За то, что сбил ее, подло подравшись сзади!» Хрясь!

«За то, что из-за тебя ее больше никогда не увижу!» Хрясь!

«Просто так!» Хрясь! Хрясь! Хрясь!

Я бил его по лицу со всего плеча, не жалея свои разбитые костяшки и не замечая крики и охання окружающих.

Рыжий Дилан в ужасе попятился назад, от ужаса широко раскрыв рот и хлопая глазами, но его отвисшую от удивления челюсть тут же догнал мой меткий кулак. И не один раз.

«За то, что стоял и смотрел!» Хрясь!

«За мою испорченную идеальную жизнь!» Хрясь! Хрясь!

Я не знаю, сколько человек понадобилось, чтобы меня оттащить от них. Это было долго и удалось не с первого раза, потому что я дергался, как рыба на крючке, и вероятно каждого из оттаскивающих меня тоже успел наградить ударом. Но в итоге это все-таки случилось. Нас разняли. Доминик и Дилан, два моих самых близких корешей, брызжа во все стороны кровью и ругательствами, исчезли в неизвестных направлениях. Наверняка рыжий Дилан побежал жаловаться своему папочке, но его остановит более умный и трусливый Доминик. Их отцы обязаны своими должностями и контрактами моему батю. Так что парням придется молча зализывать раны где-нибудь в ванной, лишь тихо поскуливая. Толпа загудела, словно пчелиный рой, среди оханий и аханий отчетливо слышался один вопрос:

– За что он их так?!

– Не будут кататься на байках без меня! – грубо буркнул я, на ходу застегивая свою черную кожаную куртку. Сейчас мне было абсолютно все-равно, кто и что про меня подумает, куда и к кому побегут жаловаться мои побитые дружки. В голове, словно рой пчел, кружились другие вопросы, каждый раз жаля меня все больнее и больнее:

– Где она? Неужели она так и осталась лежать на холодных рельсах? Нет... когда я снова взобрался на дерево, будучи в образе белки, – тела... то есть, девчонки уже не было на земле. Будь проклят Доминик, что сбил меня с сосны шишкой! Но там же были два легионера...кажется, Диана и Самсон. Солдаты с Факультета Проклятых в мире смертных – очень плохой знак, значит, кто-то совершил немыслимое преступление... кто-то будет строго наказан... Где же она? Мне нужно срочно ее найти!

Парни, мой вам совет для всех тех, кто безнадежно и безответно влюблен. Просто найдите ее и убедитесь, что у нее все хорошо! А если и нет, то сделайте так, чтобы было все хорошо! Именно этим я сейчас и собирался заняться до конца этого дня, а, может быть, и моей жизни.

Кто-то из толпы неуверенно, но вовремя протянул мне черный байкерский шлем. Я слегка кивнул в благодарность и тут же его надел. Отлично! Теперь никто не будет видеть безнадежного отчаяния на моем убитом горем лице, предательски блестящие дорожки слез на щеках.

Не теряя ни минуты и больше не говоря ни слова, я грубо прорвался сквозь толпу зевак и выскочил на улицу к своему байку. Громкий рев мощного мотора в ключья разорвал ночную прохладу. Не замечая ничего вокруг, я словно проклятый, мчался к тому самому месту, где последний раз ее видел. И естественно, как это и бывает по закону подлости, едва я туда добрался, там уже было совершенно пусто.

– Будь ты проклят, Доминик, со своей шишкой! – бурчал я себе под нос, беспомощно сидя на мокрых рельсах в том самом месте, где последний раз видел ее переломанное тело. Надо мной нависла, шелестя иголками, словно потихоньку насмехаясь, та самая высокая раскидистая сосна, с которой я едва не свалился и не сломал себе шею. Да, в тот проклятый момент я был маленькой белкой, хоть и бесхвостой, но очень шустрой. Мы, лесные тролли, как оборотни, имеем три состояния. Обычный человек в смертном мире, полутроль в мире Зазеркалья – это что-то среднее между человеком и зверем, и, собственно, простое звериное состояние – белка обыкновенная лесная. Так вот, в тот злополучный момент я был готов плюнуть на все законы физики и волшебного мира и превратиться из белки обратно в человека, лишь бы только спасти ее. Мне было абсолютно плевать на последствия. Блин! Если бы только ты, Доминик, не кинул в тот момент в меня шишкой! Ты все испортил! Ты сломал жизнь не только ей, но и мне...

У троллей есть такая особенность: если мы переходим в

звериное состояние и превращаемся в свое животное, то автоматически снимаем с себя всю одежду. А как иначе? Волк или медведь разорвёт в клочья любой, даже самый прочный, костюм. А если зверёк маленький, например, как лесная белка, то одежда просто-напросто спадёт вниз, ведь она будет раз в десять велика.

Так что, сидя на верхушке сосны в образе белки, я с ужасом беспомощно наблюдал, как пара моих же дружков издевались над её неподвижным телом. С каждой секундой моё маленькое беличье сердечко колотилось все чаще, крепкие острые зубки сжимались все сильнее, практически до хруста. Нет! Я не мог больше на это смотреть! Тем более с идеальным беличьим, почти орлиным, зрением. Ловко цепляясь когтистыми лапками за вековую кору, я быстро спускался вниз по толстому стволу, пока, наконец, от увиденного моя и без того горячая кровь едва не закипела. Я стал кидаться в этих двоих уродов шишками! Ещё чуть-чуть, и я бы прыгнул камнем вниз прямо в кусты под сосной, на лету превратившись в обычного человека, в смертного парня Константина Блэкстоуна. И мне было в тот момент совершенно наплевать, что я был абсолютно голый. Ведь ещё чуть-чуть и Доминик, этот козел, её начнёт пинать ногой... мою Антонину!

Урод! Ну ничего! Сейчас я ему надеру задницу голыми лапами... ой, то есть, руками! Меньше всего я сейчас думал о том, что подумают эти двое козлов, когда из зарослей кра-

пивы на них выскочит голожопый и очень злой отпетый хулиган и гроза всей академии!

До начала самого грандиозного представления оставалось... три, два, один... Бах! Проклятье! Одна из шишек, брошенных Домиником, метко попала угодила прямо в мою горячую беличью голову, едва я приготовился быстро и элегантно спрыгнуть с сосны. Вместо красивого сальто я камнем полетел вниз, на ходу превращаясь из белки в человека, и кубарем приземлился прямо в заросли крапивы, изрядно примяв ее своей же голой задницей.

Дальше я с размаху крепко тюкнулся виском о какой-то камень и ненадолго потерял сознание, вырубившись на самом интересном месте.

И, естественно, по самому извечно работающему закону – закону подлости, я очнулся уже тогда, когда все разошлись по домам! И на том месте, где лежало тело Антонины рядом с рельсами на шершавом асфальте осталась лишь пара шишек. Ругая себя вслух и громко матерясь, я превратился обратно в бесхвостую белку и стрелой понесся по верхушкам сосен к своему элитному корпусу. Там сейчас в самом разгаре должна быть вечеринка... в мою честь, а, значит, туда должны прилететь последние сплетни. Может быть, Антонина каким-то чудом осталась в порядке, и кто-то ее видел?

Все оказалось гораздо хуже, чем я думал. Вместо ответов на свои вопросы я разбил рожи Доминику и Дилану, пнул со своего прохода несколько огромных коробок только что

доставленных горячих пицц вперемешку с упаковками суши и снова выскочил на улицу.

Я найду её! Я буду колесить на байке всю ночь и весь день, да хоть неделю, но найду её! Меня ничто не остановит! Ни дождь, ни холод, ни ночь... я не слезу с байка пока... тот не споткнется колёсами обо что-то у помойки... и меня не перевернёт вверх тормашками прямо в контейнер с пищевыми отходами! Кажется, кто-то очень хитрожопый подло натянул поперек трамвайных путей тонкую прочную проволоку! Мой байк лихо перевернулся в воздухе, благо я вовремя с него сорвался и на моей голове чудом остался шлем. Однако, застряв в помойном контейнере, я все-таки на время потерял сознание. И в моем нелепом бреде мне даже почудилось, будто где-то рядом кто-то разговаривает и, что более возмутительно, лазает своими наглым лапами в задних карманах моих джинсов... перебирает там мои карточки и... да как они посмели шлепнуть меня прямо по недавно мой обоженной крапивой заднице! Ай! Зудит то как!

Короче, это был провал! Я не нашёл никого, кое-как вылез из помойки и поплелся на покалеченном байке обратно в корпус. Внутри мотоцикла что-то стучало и скрежетаало. Нужно было отдать моего железного коня в ремонт и побыстрее, пока я не сломал на нем свою несчастную шею.

В просторном холле нашего корпуса, где помещалось несколько баров и кафе, все ещё гремела музыка, вечеринка продолжалась, самые стойкие веселились. Кажется, еще не

все пиццы и суши были выброшены. Хотя многие студенты уже разбежались по домам, а точнее – по своим корпусам нашей элитной общаги с номерами и сервисом круче, чем в самом дорогом отеле.

Оно и лучше. Меньше народа, больше кислорода. Среди дорогих платьев и стильных прикидов я искал лишь темную выцветшую футболку и потертые драные джинсы. Надеюсь, она еще не потеряла белые кроссовки, украденные у меня. Но как назло – ни футболки, ни джинсов, ни моих стоптанных найков.

Это странное чувство беспомощности и безысходности, когда ты ищешь в толпе знакомое лицо, родные глаза и не находишь... в такие моменты ты словно тонешь под водой, мечтая лишь о жизненно необходимом глотке воздуха. Проклятье! Кажется, без неё я уже разучился дышать...

Как так случилось, что я влюбился именно в ту, которую никогда не смогу добиться? Ту, которую всего пару дней назад ненавидел? Ну почему она не могла просто ударить меня по лицу и исчезнуть из моей жизни? Зачем я стал ей мстить, ловить ее, строить козни? Дурак! Какой же я дурак! Мы ведь всегда влюбляемся в тех, кто вызывает у нас бурю эмоций! И пусть даже сначала отрицательных!

Я нервно теребил тонкий серебристый браслет на своём левом запястье. Неужели этот старинный сильнейший амулет, такой дорогой и такой эффективный против Купидонов, в этот раз не сработал? Нет, вопреки всем ожиданиям, на

моей руке было не дорогое украшение из чистого серебра, а браслет, сплетенный из высушенного древнего папоротника, цветущего раз в сотню лет при полной красной луне. Амулет был дорогой, мой отец отвалил скряге гоблину целый мешок золотых за эту безделушку. И не спроста! Высушенный древний папоротник отпугивал Купидонов с их ядовитыми золотыми стрелами, словно лаванда моль. Более того, в Зазеркалье ходила старинная легенда, будто папоротник проклят темными силами, и любой Купидон, выстреливший в обладателя такого браслета, сам погибнет в наказание. И потому пернатые засранцы не беспокоили меня много лет... ровно до вчерашнего вечера! Неужели старый хрыч-гоблин нас обманул? За продажу подделки его высекут legionеры на базарной площади! Может быть, и хвост оторвут!

Но какая мне теперь разница? Я влюбился, а, значит, пропал! Хвост у гоблина отрастет новый, а вот мое сердце никогда не будет целым. Вот если бы и сердце можно было вынуть из груди, удалить, как, скажем, хвост?

Я жевал, как жвачку, длинный фильтр сигареты, что была крепко зажата между моих пересохших губ. Нет, я не курил. Не сейчас и вообще никогда. Дорогая сигарета, хоть и не зажженная, прекрасно дополняла мой образ плохого парня, мне нужно было поддерживать свой имидж и держать в страхе всю академию, а еще лучше – весь наш небольшой приморский город.

Многие видели меня с сигаретой, но никто не видел, как я

курил. В моей руке был частенько зажат какой-нибудь алкогольный напиток, но никто не видел, как я пил, и уж тем более, ни разу не застукал меня пьяным. Все в академии слышали про мои драки, но никто не видел, как я дрался, все только видели кровь и избитых жертв. Мои дружки, Доминик и Дилан, отлично справлялись со всеми задачами, их подлости и жестокости всегда хватало на нас троих. Так было раньше... Теперь же я сам их предал... из-за ее красивых голубых глаз. Куда ни повернись, я видел их повсюду. Вот и сейчас, когда неоновые лучи прожекторов в такт музыке освещали танцующих, я невольно вздрагивал, подпрыгивая на месте, как ужаленный, когда успевал заметить чьи-то голубые глаза... но, увы, они были тусклее, проще и гораздо меньше, чем у нее.

– Кого ты потерял, Коста? Что ты там ищешь? – снова просит моего внимания рыжая, ее голос пробивается сквозь музыку в мое воспаленное сознание. Я снова попытался вспомнить, откуда она тут взялась, и как долго мы сидим за одним столиком. Мы пришли на эту вечеринку вместе, или же она просто воспользовалась моментом и плюхнулась на свободное место напротив? Хотя, какая теперь разница!

Вместо ответа я снова жую фильтр своей убитой сигареты. Так очень удобно тянуть время, когда не знаешь, что отвечать. Затем, набравшись смелости и терпения, я взглянул прямо в ее колдовские зеленые глаза с искусно подрисованными стрелками – снова ощущение, будто нырнул в самые

глубины лесного озера, но... увы... снова не утонул. Едва я с легким стоном закрыл свои глаза, как из озерной зелени очутился... в открытом космосе! Вокруг было темно, лишь только вдалеке маячили две ярчайшие электрически-голубые звезды. Глаза той, которую я потерял... Они преследовали меня повсюду – куда бы я ни глянул, о чем бы ни думал. Везде эти два недоступных голубых огня...

Они слегка прищурены, потому что она всегда на меня смотрит... смотрела с недоверием и опаской. Да кого я обманываю! Она в открытую ненавидела меня и презирала! Так что её взгляд прожигал меня насквозь, словно высокотемпературные лазеры!

Теперь, едва я прикрою свои веки, я постоянно попадаю под обстрел её глаз, в это беспощадное ярко-голубое пламя.

Все просто, значит, с этого момента я просто не буду закрывать свои глаза. Ни на мгновение, ни на секунду! Я сидел и тарасился на рыжую напротив, пытаюсь вспомнить, как же ее зовут. Лиля? Лия? Лола? Что-то однозначно на Л. И где я ее раньше видел?

Рыжая нахмурилась, смотря на меня с озадаченной тревогой, словно на ребёнка с температурой. Блин, очевидно, она снова что-то спросила, а я не ответил.

Боже, как же раньше все было просто. Я бы улыбнулся девушке своей фирменной улыбкой, от которой на моих загорелых щеках играли ямочки, а у девчонок дрожали и подгибались колени. Я бы пропел ей на ухо своим бархатным ше-

потом какую-нибудь дурь вроде «Ты сильно ударилась... ну, когда упала на Землю?» или же «Штрафной страстный поцелуй за такую красоту!». И она бы растаяла.

Мы были бы с ней такой красивой парой. Она – огненно-рыжая, я – темно каштановый. Ее глаза – изумрудные глубины лесного озера, мои – темно-зеленый омут болот.

Но сейчас я молча сидел с пересохшим горлом, которое драло от крепчайшего пережженного экспрессо, с остекленевшими глазами, которые боялся закрыть даже на миг, отчего по щекам градом катились слезы, и практически полностью изжеванной сигаретой.

– Коста, с тобой все нормально? Ты, кажется, хотел что-то спросить? – повторяла рыжая все тише и испуганней.

Я резко дернулся на стуле, как под напряжением, потому что, наконец, вспомнил, что именно эта рыжая являлась соседкой по комнате моей голубоглазой пацанки. Все прочее, вдруг, стало неважно – в моей голове вертелся единственный вопрос, от которого сейчас зависела вся моя жизнь:

– Где она? – со стоном выдохнул я, умоляя, словно путник в пустыне просил глоток воды. – Где твоя соседка?

Рыжая резко выпрямилась – ее изумрудные глаза потускнели сначала от вспыхнувшей ревности, а затем она, наконец, поняла, что к чему, и ее взгляд заблестел от праведного гнева:

– Я не знаю! А знала бы, то ни за что бы не сказала! – резко бросила она мне в лицо, ее глаза от презрения превра-

тились в узкие щелки. – Ты испортил ей жизнь! Ты отнял у нее все! И не смей выпытывать у меня, как теперь ее найти! Надеюсь, что ты ее больше никогда не увидишь! А она тебя – тем более!

Я с шумом обреченно сглотнул, устало закрыл глаза и тут понеслось... снова надо мной смеялись ее голубые, словно небо, глаза...

– Больше я ничего тебе не скажу! – бросила напоследок рыжая, вскакивая со своего места, словно рыба с горячей сковородки, и удаляясь в неизвестном направлении. – Ты какой-то странный сегодня!

Я резко подорвался со своего места, желая незаметно кинуться за ней. А, вдруг, она все-таки знает, где сейчас прячется Антонина? Но меня резко кто-то схватил за рукав, потянув обратно к столу, словно капкан на цепи.

– Так, ты куда это? – услышал я звонкий девичий голос и увидел такие знакомые красивые глаза, но увы... не голубые, а темно-карие, как две сочные смородины. Волосы были собраны в стильную стрижку каре и окрашены в яркий малиновый цвет – таким обычно в природе хищники предупреждают об опасности. Мол, не подходи, загрызу нечаянно. Кажется, я недавно имел глупость к ней подойти или же просто не успел вовремя отойти.

– Что за рыжая шлю...мымра с тобой только что сидела, а?

– Привет, Тоня! – бойко ответил я, делая морду кирпич-

чом — хищнику нельзя показывать, что ты его боишься. Однако, по ее тонким нарисованным бровям, резко взлетевшим вверх, я быстро понял, что что-то пошло не так. — Ой! Соня... я не... ай!

Бабах! По моей правой щеке зазвучала отрезвляющая пощечина, в результате которой моя сигарета отлетела на метр в сторону.

— Ах ты, бабник последний! — с негодованием визжала Соня, которая, по всей видимости, Соней не была. Может, просто Анна?

Тем временем неизвестная назвалась моей действующей девушкой, одобренной моим же отцом. В порыве негодования она принялась швыряться в меня своими дорогими золотыми украшениями, дабы, по ее словам: «вернуть все подарки такому козлу, как я, недостойному ее любви». Ну и чудненько, экономененько получилось! Я с облегчением вспомнил, что наши с ней отцы уже успели подписать все самые важные контракты, кроме нашего брачного.

— Все, ты меня потерял! — подытожила она, ища крокодильи слезы в моих глазах. Кареглазая встала и, наконец-то, вальяжно удалилась, виляя буферами, со словами:

— Гуляй, мальчик! И не звони мне больше!

Глава 5. Ночное randevu

Мы стояли в просторном полутемном коридоре, отделанном мрамором и дорогим деревом, кучей раритетных пестрых гобеленов и мягкими толстыми коврами на паркетных полах. Здесь освещение было мастерски сделано так, что ламп совсем не было видно и невозможно было понять, откуда же льется этот теплый приглушенный свет.

Я хорошо помнил, что сзади меня находится высокая дубовая дверь, ведущая в мои апартаменты. Именно к ней, твердой и холодной, я сейчас и был крепко прижат спиной, словно котенок тапком, а точнее – двумя огромными, крепко накачанными футбольными мячами. Почти вплотную ко мне, насколько позволял ее роскошный выдающийся бюст, стояла самая красивая, богатая, избалованная и невеста откуда взявшаяся в нашей академии девчонка – Стейси Блин... ой, то есть Грин. Из какой такой Австралии ее к нам занесло? Зачем, почему и самое главное – за что? Никто не знал ответов на эти вопросы, даже, кажется, и сама ректорша нашей академии – Мадам Буффало. Однако в том, что отцом этой простоватой наивной блондинки является какой-то неизвестный миллионер, не сомневался никто. Дорогие салоны, шмотки от кутюр, идеальный макияж, фитнес, психолог, косметолог и, кажется, сверхпрочный силикон отменного качества в нужных местах. О, да, Стейси, пожалуй, за-

видовали все девчонки нашей академии, ну а парни ложились пачками к ее безупречным длинным ногам на высоких каблуках. В нее не влюблен был только угадайте кто... Правильно, я! Помните пословицу, чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей! А потому Стейси неустанно, энергично и агрессивно флиртовала со мной, снайперски стреляя в меня глазками из-за каждого угла, «аплодируя» безупречными накладными ресницами каждой моей шутке. Короче, напрасно тратила энергию и косметику.

Бывают же такие девчонки, вот смотришь на неё и пытаешься найти изъян, но это невозможно... Фигура, как у образцовой куклы Барби, лицо, как у юной Афродиты в её самый лучший день, только, пожалуй, косметики многовато. Густые ресницы слегка длинны и тяжеловаты, стрелки почти доходят до самых ушей, да и помада слишком яркая на идеальных губах, сложенных бантиком. Стейси широко и глуповато улыбалась, однако, эта улыбка не касалась её огромных, наивных и блестящих, как у олененка Бэмби, карих глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.